

Татьяна Алхимова

ЗВУКИ ТИШИНЫ

поговори со мной

Татьяна Алхимова

Звуки тишины

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70098856
SelfPub; 2023*

Аннотация

Николетта ведёт закрытый образ жизни, отказываясь признавать своё отличие от других. Она не говорит. Единственный, кто поддерживает её – старинный друг. Но так ли чисты его забота и внимание, так ли бескорыстна дружба? В Рождество случаются чудеса: люди меняются, уходит всё лишнее и приходит что-то новое, доброе и светлое, зажигая в сердцах тёплый огонёк первой звезды.

Содержание

Музыка	4
Голоса	17
Звон	27
Шорохи	35
Ветер	46
Шаги	62
Шепот	77

Татьяна Алхимова

Звуки тишины

Музыка

Раньше каждый мой день начинался с шума: звонил будильник, в комнату заглядывал кто-то из родителей, дабы убедиться, что я действительно проснулась; на кухне закипал чайник, по тарелкам стучали ложки или вилки, в зависимости от маминого настроения. Если она просыпалась в благодушном расположении духа, то готовила омлеты с начинкой или жарила быстрые блинчики, а если на неё нападали утренняя мрачность и меланхолия, то семья довольствовалась скромной овсяной кашей. Застилая постель, я слышала и другое: тихие разговоры, плеск льющейся воды в ванной, причём всегда было понятно, кто умывается – папа включал воду скромно, тонкой струйкой и что-то напевал себе под нос или просто разговаривал с отражением в зеркале; мама же выкручивала кран почти полностью, чтобы умыться поскорее, и тут же убегала к большому зеркалу в коридоре, чтобы уложить волосы и накраситься. Слышала я и шарканье старых бабушкиных тапочек по деревянному полу, суховатый голос с неразборчивой речью, щелчки в замочных скважинах. После появлялись и звуки с улицы из раскрытого ок-

на – это значило, что бабушка добралась до кухни и ей снова кажется, что после готовки там душно. Тогда-то я и выходила из своей комнаты уже собранная и занимала свой пост в ванной, по дороге обязательно приветствуя того, кто попался на пути, включая тихую черепаху, непременно застывшую посреди коридора удивляясь неминуемой утренней человеческой суете.

Теперь же, когда черепаха давно похоронена в маленькой коробке в дальнем углу загородного участка, о бабушке напоминает пожелтевшая фотография в массивной рамке, а родители появляются в городе не чаще пары раз в год, моё утро совсем другое. В нём есть всё, что и раньше, почти, – те же неживые звуки, только нет никаких голосов. Их заменяет музыка. Я включаю её тут же, сразу после звонка будильника. Мне нравится заполнять пространство вокруг этой нематериальной субстанции, стоять перед зеркалом в ванной и открывать рот синхронно со словами, льющимися из колонок. Звук собственного голоса давно забылся.

Странно.

Хорошо представляется голос отца, зовущий меня к обеду, и шершавый шёпот мамы, угрюмо читающий бессмысленную книгу в больничной палате, даже бабушкины причитания о моих разбитых коленках звучат в голове так, будто бы не заперты в ней, а высыпались наружу. Поэтому музыка – спасает. Под неё я могу тихо грустить или веселиться, завтракать на скорую руку, или читать, растягивая удовольствие

на весь долгий тёмный вечер. В ней – всё, чего мне иногда так не хватает: настоящей жизни, живого выражения чувств. Нет, даже не живого, а звукового. Хотелось бы, чтобы чувства и мысли звучали, а не пробежали символами на бумаге или жестами, сложенными из пальцев.

Я не могу говорить.

Давно.

И, возможно, это навсегда.

Тёмное, густое утро запоздало напомнило о том, что пора бы уже земле укрыться снегом в преддверии грядущей зимы. Конец ноября – самое мрачное время, глухое и тесное. Я с тоской зажгла свет в спальне, имитируя солнце, чтобы поскорее проснуться и ощутить хоть какую-нибудь бодрость в теле. Суббота. Законный выходной – вроде бы долгожданный, но совершенно пустой и непонятный.

Заиграла привычная музыка, наполняя моё скромное жилище звуками, и на душе сразу стало чуть легче. Пританцовывая, я добралась до ванной и добавила немного шума струёй тёплой чистой воды. Следом в прекрасную какофонию, заполняющую всю мою жизнь, вписался закипающий чайник и скворчащие на сковородке яйца.

Стоило только устроиться за столом с вилкой в руке, как в дверь настойчиво позвонили: трень, трень-трень-трень, трень. Наш позывной! В это утро меня решил навестить самый замечательный и добрый друг на свете – Сорин. Мы познакомились так давно, что вспоминать страшно. Старшая

школа, колледж – всё это пройдено бок о бок. Он был первым моим настоящим другом и человеком, который решился сблизиться с той, которая ни слова не говорит. За эти годы у нас сложилась собственная система общения, слепленная из языка жестов, разных звуковых сигналов и выражений лиц, а ещё – музыки.

– Николетта! – крикнул Сорин, врываясь в квартиру такой же шумный и улыбчивый, как и всегда.

Его крепкие объятия напомнили мне, как я соскучилась: он только вчера вернулся из длительной командировки и, конечно же, сразу помчался туда, где ждали больше всего. Я бы с радостью ответила ему словами, но вместо этого лишь крепче прижалась к широкой груди, горячей и пышущей силой.

– Сколько всего мне нужно тебе рассказать! – продолжал громко вещать Сорин раздеваясь. – Да! Кстати! Я же привёз подарки!

С этими словами он вручил мне большой пакет, внутри которого нашлись немецкие шоколадные конфеты и ещё какая-то мелочь в небольших коробочках: наверняка пополнение моей коллекции. Сколько себя помню, собирала стеклянные фигурки всего на свете по непонятной причине. А Сорин, когда узнал об этом, принялся возить мне особенные подарки из тех мест, где бывал. Благодарностью послужило крепкое рукопожатие и лучезарная улыбка. Я знала, что она такая – смотреть на этого прекрасного молодого мужчину не

слишком высокого роста, с вечно лохматыми чёрными волосами и тёмно-кариими глазами, было и приятно, и радостно. Для меня он был настоящим солнцем – светил всегда и везде, даже если находился далеко.

Пока Сорин устраивался за столом, а я наливала ему свежий чай, мне невольно вспомнилось, как мы познакомились. Это случилось в последний год перед старшими классами, мне уже приходилось изъясняться знаками, а мой будущий друг перевёлся в школу из соседнего города в связи с переездом. Как-то так вышло, что наши парты оказались рядом. Он вечно забывал то карандаш, то ручку, а у меня обязательно находились запасные. В классе тогда мало кто общался со мной – было сложно подстроиться под новые условия, да и я почти замкнулась в себе, но Сорин... Магическим образом он всегда появлялся рядом, изучал меня издали и провожал до дома: сначала незаметно, а потом уже в открытую, и не принимал никаких возражений, делая вид, что не понимает моих жестов и сурового выражения лица. Так и подружился – и жили рядом.

– Нико, как ты тут без меня? – деловито осведомился Сорин, забирая половину яичницы.

Я только плечами пожала: кто же знает, как? Работала, ходила на курсы повышения квалификации и сидела дома. Погода не располагала к прогулкам.

– Конечно! Если бы я не уехал, то обязательно вытащил бы свою милую домоседку на променады, – улыбнулся он. –

Ты без меня совсем зачахнешь, дорогая. Так нельзя.

Опустив голову, я сделала вид, что увлечена завтраком. Сорин каждый раз подначивал меня по поводу тихой затворнической жизни, которую я вела. Он всё пытался победить мои комплексы и страхи, касающиеся невозможности говорить, но пока – безуспешно. Дома, одна, я чувствовала себя в полной безопасности, а в местах, где много людей – было слишком страшно и тревожно, особенно если попадала туда без друга. В какой-то момент он заменил мне семью, заменил вообще всех. Наши отношения казались мне более близкими, чем с родителями. Мама иногда, когда звонила, высказывала своё беспокойство по поводу нашей дружбы – она просто не представляла, что мужчина и женщина могут не испытывать друг к другу никаких иных чувств, кроме как большой привязанности, уважения и тепла.

– Эй, Нико... Ты чего? – тихо позвал Сорин. – Если не хочешь, можешь никуда не ходить. Я же знаю, что тебе тяжело. Но столько лет... Твоя жизнь проходит, и мне так больно смотреть, как ты не заполняешь её ничем, кроме работы... И...

– И тебя, – ответила я ему жестом. На мгновение мне показалось, что он хочет что-то сказать, поэтому, набравшись смелости, спросила. – Есть какие-то новости?

– Если честно, да... Я решил сделать предложение Катерине. Как думаешь, она согласится?

Я опешила от этих слов. Сорин давно встречался с Кате-

риной, они были удивительно гармоничной парой, но мне казалось, что до свадьбы ещё так далеко, ведь мы все довольно молоды. С удивлением обнаружила, что мне немного горько оттого, что самый близкий человек теперь станет чуть дальше. Как жаль, что жизнь идёт вперёд и меняется. Вот бы всегда всё было так, как сейчас, как год назад. Но, тем не менее, я кивнула и улыбнулась. А чуть позже добавила уже руками:

– Конечно, согласится. Вы такая чудесная пара. Думаю, она давно ждала твоего предложения.

Но, кажется, Сорин мне не очень-то поверил. Он улыбнулся как-то грустно и даже с лёгким укором, и я почувствовала себя виноватой в том, что не сказала всё честно, но расстраивать его не хотелось. Наверное, каждому человеку хотелось бы найти свою пару, полюбить и получить в ответ взаимность. Только вот для меня взаимность между Катериной и Сорином значила одно – личное забвение и одиночество.

Я действительно вела закрытый образ жизни, чуралась людей и никак не могла смириться с тем, что приходилось общаться жестами. Может быть, если бы я родилась такой, то было бы гораздо легче – никаких воспоминаний и сравнений с прошлым. Одно время родители искали психологов и психотерапевтов, чтобы они проработали со мной травму – время и деньги оказались потрачены впустую. Все специалисты в один голос утверждали, что я вполне могу говорить, стоит только захотеть. Но сигнал к речевому центру одним желанием не посылался.

Шок работает по-разному, кто-то замыкается в себе, кто-то сходит с ума, кто-то боится темноты или пугается животных, транспорта... Я же перестала говорить, могла открывать рот, пытаюсь что-то сказать, но звуки словно натыкались на невидимую стену, подобно трубе, раструб которой заткнули тряпкой. Тот день мне помнился очень хорошо. И сейчас, после слов Сорина, возник перед глазами во всей своей чёткости.

Мне было пятнадцать, я возвращалась домой после дополнительных занятий в школе. Обычный уже почти летний день, тёплый ветер, высокое голубое небо, шелест травы, крики птиц, голоса прохожих, выкрики рабочих, позвякивания колокольчиков на дверях магазинов, шорох шин... Я помнила эти звуки так долго и точно, словно это было моим заданием на оценку. Потому что после них случилась она – страшная, мёртвая тишина. Мой небольшой двор, родной и уютный, тихий, замкнутый стенами невысоких домов, встретил и порадовал гомоном ребятишек в песочнице и возгласами бабушек, следящих за ними. Я сделала бодрый шаг вперёд, занесла ногу над тропинкой, проложенной между кустами сирени – и всё.

Дальше – глухой удар и последовавшие за ним дикие крики, визги и что-то ещё, туманное, непонятное. Передо мной лежало тело. Молчаливое. Уже неживое. Потом, когда я пыталась вспомнить этот день, не могла отделаться от ассоциации, будто кто-то бросил собакам мясо. Тошнотворные мыс-

ли, противные сами по себе и изувеченные моим нечеловеческим отношением к трагедии. Тогда я остановилась с поднятой ногой и ошалело смотрела на мужчину, решившего сделать этот день своим последним. Почему? Зачем?

Сначала я кричала от ужаса. Потом отчаянно звала на помощь, но меня словно никто не слышал. Может, так действительно и было? Никто не откликнулся. Не подошёл. Весь мир замкнулся вокруг меня и этого безжизненного тела. Когда рядом появились другие люди, живые, я не могла сказать ни слова. Открывала рот и закрывала обратно, совсем как рыба в аквариуме. После этого события мне не снились кошмары, я даже не боялась ходить той же дорогой, но больше не сказала ни слова. До сих пор. Они оказались ненужными, бессмысленными и лишними. Зачем говорить, если тебя всё равно не слышат? Может быть, тот человек и решился на последний шаг именно потому, что его не услышали?

– Нико? – Сорин помахал перед моим лицом широкой ладонью. – Ты чего?

Я снова пожала плечами. Объяснять ему ход своих мыслей не было бессмысленным, но портить только-только начавшийся день не хотелось.

– Зря я тебе сказал, наверное. Ты ведь теперь будешь переживать... Да я и сам, если честно... Хочу и боюсь перемен. Но жизнь не стоит на месте, Нико... И тебе бы тоже стоило что-то изменить. Плевать, что ты не можешь говорить. Это вообще никак не влияет на тебя, как на личность. И не пы-

тайся мне возразить! Я же всё-всё знаю... И даже то, что ты собираешься сейчас активно протестовать, отстаивать своё право на тихую замкнутую жизнь. Только я твой друг. И возражаю! Моя подруга Николетта – весёлая, добрая, открытая и чудесная девушка. Это просто преступление – скрывать себя от мира.

Мне не оставалось ничего другого, как встать и отойти к окну, старательно делая вид, будто я что-то вижу за стеклом. Сорин был прав: он так хорошо меня знал, что мог бы угадать ответ на любой вопрос, предсказать и действия, и поступки, и даже мысли. На самом деле, он – тот самый провожатый, рядом с которым мне всегда было легко и просто идти по миру. Одна я так никогда не смогла бы.

– Эй... – Сорин тихо подошёл ко мне и положил ладонь на плечо. – Я не хотел читать тебе нотации, но ты же знаешь, что действительно нужно быть смелее и самостоятельнее. Нужно учиться жить без моего постоянного присутствия. И, кстати, это работает в обе стороны. Мне тоже стоило бы попробовать не быть твоим хвостиком и не ждать постоянных советов и подсказок.

Я чуть повернулась к нему и медленно объяснила на пальцах:

– Если сделать так, как ты говоришь, то наша дружба разрушится.

– Ни в коем случае! – горячо возразил он, заглядывая мне в глаза. – Она просто перейдёт на новый уровень!

Что тут можно было сказать? Объяснить, что мне не нужен новый уровень, что всё и так хорошо. Но разве могла я мешать счастью своего лучшего друга? Сорин – словно брат, о таких отношениях, как у нас с ним, раньше писали в книгах.

– А меня в новый отдел на работе перевели, – объяснилась я с ним быстро и испугалась, что он не успел понять.

– Правда? Это же здорово! И зарплату подняли?

Слабо кивнув, я вернулась к столу, чтобы убрать посуду и скрыть вдруг возникшую неловкость. Как-то враз стало неясно, что делать дальше, как себя вести и как продолжать этот день. Пока Сорин не собирался становиться женихом Катерины, мы могли и забраться под один плед на диван, чтобы посмотреть сериал, да и обняться при встрече и расставании. Сейчас же мне показалось кощунственным проявлять столь интимные жесты по отношению к нему.

Атмосфера незаметно, но менялась, даже несмотря на то, что за окном стремительно светлело и день обещал быть не таким серым, как обычно в ноябре.

– Может, прогуляемся? – совсем тихо обратился ко мне Сорин, непривычно печальным голосом, который я еле разобрала из-за музыки, которую так и не выключила.

Покачав головой в ответ, пренебрегая развёрнутым ответом, я спряталась от его пронзительного взгляда в комнате. Со стороны можно было бы подумать, будто это проявление ревности или зависти, или даже собственничества. Навер-

няка и эти чувства были в составе того, что заполняло моё сердце. Я боялась перемен, боялась одиночества и не хотела в этом признаваться.

– Ну раз так... Давай тогда просто посидим вместе, может, посмотрим что-нибудь... Нико... Я же к тебе приехал почти сразу, как вернулся.

Я молчала, старательно делая вид, что рассматриваю что-то за окном, хотя смотреть там было не на что: обычный пустой двор, слякотный и промозглый.

– Думаешь, мне не тревожно и не страшно? – Сорин тихо подошёл ко мне и остановился близко-близко, так, что я чувствовала его дыхание рядом. – Когда ты встречаешь кого-то, с кем хочешь быть всегда, когда чувствуешь трепет любви в сердце, становится не просто страшно, а даже жутко. Ведь любовь – это ответственность. Тебя ведь я тоже люблю, Нико... Мне кажется, что ты моя сестра, за которую я буду отвечать перед Высшими силами. Да что ж это!... – он тяжело вздохнул. – Чувство такое, будто нужно сделать выбор. А я не хочу. Дружба ведь всё понимает, правда? А любовь – прощает? Да?

Опустив голову, я думала над его словами. Было в них что-то правильное, очень точное и в то же время – обидное. Потому что я не хотела этой правды, не хотела будущего и своей ответственности за всё. Но пришлось кивнуть.

До самого обеда мы просидели вместе на диване, завернувшись в большой вязаный плед, местами протёртый, до-

ставшийся от бабушки Сорина в первые годы нашей дружбы. Он рассказывал о поездке, а я даже не слушала, выхватывая некоторые слова и названия и изредка подавая знаки. Теперь-то я понимала слова матери о странных отношениях между мной и другом. Кто бы мог поверить, что за столько лет, проведённых бок о бок друг с другом, мы ни разу не подумали ни о чём более серьёзном, чем простые объятия. И мне так не хотелось лишаться и их.

Голоса

Рабочие будни, как и всегда в это беспокойное, почти предпраздничное время, наполнялись многоголосьем. И начиналась эта человеческая какофония сразу, как только я попадала в общественный транспорт. В плохую погоду, когда валил мокрый снег или свистел ветер, до работы я добиралась автобусами: сначала садилась в первый попавшийся, проезжала пару остановок, а дальше пересаживалась на следующий, чтобы спустя минут пятнадцать выскочить в сотне метров от больших широких дверей старого дома, на первом этаже которого располагался офис. И уже в первом, зачастую полупустом автобусе, со всех сторон в меня летели голоса: кто-то угрюмо переговаривался между собой, сетуя на вялость, недосып или бессонницу; с центральной площадки раздавался неутомимый смех школьников, то ли опаздывающих в школу, то ли, наоборот, пытающихся попасть туда раньше других; почти каждый раз мне встречался темноволосый парень с длинной косой чёлкой, самозабвенно подпевающий музыке в наушниках. Иногда мерный гул, обозначающий утро, разрезал голос из динамиков, объявляющий остановку, и тогда я словно просыпалась, поглядывала через пассажиров в окно и проворно выбегала на промозглую улицу. Изо дня в день, всю осень, и зиму, и весну, и даже лето. А в офисе, после другого автобуса, чаще всего – молчали-

вого, меня ждало каждодневное испытание, которое, однако, начиналось вполне дружелюбно с приветствия охранника.

И в этот слишком холодный понедельник всё складывалось, как и обычно.

– Доброе утро, – отозвался со своего законного места представитель охранного бюро, облачённый в форменный чёрный костюм.

Я кивнула ему в ответ и улыбнулась: за те пару лет, что он здесь работает, уже привык к этому моему молчаливому жесту. Скинув пальто в раздевалке и переобувшись в удобные лёгкие полутуфли, я вышла в коридор, стараясь поскорее добраться до рабочего места. Обозначенная на прошлой неделе перестановка кадров меня и обрадовала, и испугала, а ещё именно она вызвала бурю негодования в соседнем отделе. И немного повоевав, эта самая буря ушла на выходные, обещая вернуться с новыми силами.

Мой стол, приютившийся около окна, был так же чист, каким я его оставила в пятницу. Быстро включила компьютер и погрузилась в чтение документов, во всяком случае, попыталась сделать вид, что крайне занята. В таких случаях меня тревожили только по важным вопросам, казалось, что коллеги думали, будто я не могу слышать, а не говорить. Сквозь шелест бумаг и поскрипывание ручки, можно было разобрать лёгкое перешёптывание в противоположном углу комнаты. Как только оно оборвалось, раздались нерешительные шаги, затихшие около моего стола. Я подняла голову

и увидела свою непосредственную начальницу: милую даму лет пятидесяти с классическим каре, окрашенным в ядовитый чёрный цвет. Она улыбнулась, сдобрив несколько страдальческое выражение лица явно читающимся извинением.

– Николетта, доброе утро!

Я кивнула в ответ и выжидающе посмотрела на неё.

– Твой перевод утвердили... – она чуть замялась, видимо, подбирая слова, отвела взгляд, вздохнула. – Мы можем помочь тебе перенести вещи. Если ты переживаешь что... Что тебе будет нелегко наладить контакт с ребятами... Там новый руководитель отдела пришёл, всё утро наводит порядок, – голос её стал тише, – по виду довольно неплохой парень. Приблизительно твоего возраста! Ну ведь в самом деле – с твоей квалификацией надо расти, а не сидеть тут с нами...

Что я могла сказать, если бы могла говорить? Что вовсе не хотела карьерного роста? Как они себе представляли меня, работающей с клиентами напрямую, не в переписке? В соседнем отделе будет трудно, нагрузка больше и новые люди, с которыми я пересекалась только по дороге на обед или сталкивалась в коридоре. Конечно, они знали о моей особенности, но одно дело знать об этом, а совершенно другое – постоянно взаимодействовать с молчаливым человеком. Я вздохнула и отложила бумаги, быстро написав на листочке вопрос:

“Что нужно делать?”

– Мы сейчас принесём коробки, переложить туда то, что тебе нужно, а компьютер и прочее уже настроили на новом месте. Можешь забрать своё кресло, оно гораздо удобнее местного, – она пыталась подбодрить меня, но затея эта была пустой и ненужной.

Наверное, я надеялась, что перевод так и останется формальным. Но, увы. С содроганием сердца пыталась представить, как окажусь в фактически новом коллективе, буду вынуждена заново выстраивать коммуникацию... А потом ещё и Дорина обязательно снова устроит что-то наподобие скандала. Эта шумная, амбициозная девушка считает, будто каждый человек на планете пытается занять её место. Каждая женщина – соперница, каждый мужчина – подлец. Вместо того чтобы радоваться повышению – а ведь ей досталось моё место, она слишком громким, резким голосом возмущалась переводу, аргументируя свою позицию тем, что имеет квалификацию, соответствующую той должности. Хотя все мы знали – это не так.

В общем, ближе к обеду, я вместе со своими скромными рабочими пожитками оказалась в соседней комнате, зажата между двумя массивными столами, за которыми восседали умудрённые рабочим опытом не совсем уже молодые люди, постарше меня лет на десять. Они угрюмо взирали на мои перемещения и суету, продолжая неспешно работать.

Наверное, день бы так и закончился, не дав печали и страху расплзтись по телу, если бы не появился Петша. Мой

новый непосредственный руководитель. Мужчина молодой, амбициозный и грубоватый. Он как вихрь влетел в комнату вместе с морозным воздухом. Его светлые волосы, уложенные по последней моде чуть набок, едва заметно взъерошились, а серо-голубые глаза метали громы и молнии, напоминая иллюстрации в детской книге со скандинавскими мифами. Все разом притихли, а мне захотелось провалиться сквозь пол прямиком в подвал и никогда оттуда не вылезать. Правда, причина столь грозного настроения начальника пока была более чем неясна.

– Доброго дня! – почти крикнул Петша. – Безобразие с договорами, о котором мы разговаривали вчера, продолжается! Пожалуй, придётся ввести трёхступенчатую проверку! Краснеть за свой отдел у меня больше нет никакого желания, – громыхал он, бросая пальто на единственный свободный стул у окна. – После обеда попрошу подойти ко мне тех, кто готовил последний договор. Будем разбираться!

С этими словами он уселся в рабочее кресло и шумно выдохнул, включая компьютер. Я старалась лишний раз не дышать и вообще не показывать, что существую. Но манёвр не удался: когда все крайне дружно покидали помещение, направляясь обедать, я чуть замешкалась от неожиданности, и уже в дверях была остановлена довольно громким окриком. И почему Петша не мог говорить ровно и тихо? Что за манера – кричать?

Обернувшись, я столкнулась с раздражённым взглядом,

полным презрения и негодования.

– Вы! – указал он на меня пальцем. – Подойдите-ка! Ни-колетта, кажется? Вы теперь работаете с нами, так почему не представились?

Я молча посмотрела на него и не нашла ничего лучше, как пожать плечами. Лицо Петши вспыхнуло и налилось краской.

– Вы язык проглотили? Я что? Такой страшный или?

Метнувшись к своему столу, я быстро написала на бумаге объяснение, что, мол, перевелась к вам из соседнего отдела, может, запомятавали. А молчу потому, что говорить не могу. Петша почти вырвал у меня из рук листок, быстро пробежался по нему взглядом и с трудом подавил тяжёлый вздох.

– Я думал, руководство шутило. Вас ещё нам не хватало... С клиентами как будете общаться? Письма писать? Не понимаю, что с вами делать. И зачем вообще все эти кадровые перестановки. Ну, чего смотрите? – возмутился он моему взгляду. – Обед скоро кончится, вообще-то!

Ничего не ответив, я вышла в коридор, едва сдерживая свои чувства: хотелось не плакать, но кричать, высказать всё, что думалось во время разговора. Неужели Петша считал, что мне очень хотелось работать вместе с ним? В том отделе, где общение с людьми – приоритет. Ужасная, крайне несправедливая насмешка судьбы, больше похожая на плевок в лицо. Испещрив мелкими шагами половину коридора, я так и не собралась пойти обедать. Потом. Дома. В звенящей ти-

шине.

Продолжение рабочего дня напоминало осаду города, в ополчении которого нет ни одного бойца. Нестерпимо требовалось сдаться на милость тем, кто кидал на меня то насмешливые, то сочувственные взгляды. Но, встречая злобный взгляд Петши, я обретала силы к борьбе и стойко держалась.

Спасение пришло с последней минутой девятого рабочего часа. Комната опустела, и первым покинул её мой новый начальник. Я собиралась медленно, нарочно пропуская вперёд всех тех, с кем не желала сталкиваться вне офиса. Привычно кивнув охраннику, со вздохом облегчения оказалась на улице, рухнув в морозный вечер с головой.

Осознание неприятной ошибки пришло чуть позже, когда я основательно подмёрзла, стоя на остановке битых десять минут: слишком долго задержалась в офисе и пропустила свой автобус. Но что мне мешало прогуляться пешком? Даже хорошо: когда двигаешься, меньше думаешь о ерунде и перестаёшь злиться.

Витрины украшали к грядущему Рождеству и Новому году: везде приветливо мигали гирлянды, переливались разными цветами ёлки, да и сами улицы уже понемногу превращались в сцены для праздничных действ. Скоро и я соберусь за покупками, как всегда, скуплю всё, что увижу красивого, а потом буду целый вечер упаковывать, шурша глянцевой бумагой и атласными лентами. Ну а сейчас передо мной сте-

лилась полупустая тёмная улица, обещавшая долгую дорогу домой. Долгую и одинокую.

Привычным образом мысли растерялись в пути, и я смотрела по сторонам, забывая отмечать, сколько прошла и где нахожусь. Хорошо бы идти вот так, беспечно и спокойно, до самого утра, а потом ворваться в тёплый уют квартиры, упасть в мягкую постель и забыться сном до самого вечера, уподобляясь летучим мышам.

На второй автобус я тоже опоздала, да и вообще прошла остановку так бодро, что не сразу это поняла. Телефон разрядился – прочитать сообщения так и не удалось. Видела, что писал Сорин наверняка спрашивал о том, как прошёл рабочий день. Ну ничего, ответить можно и из дома.

Я прилично продрогла и чувствовала лёгкую усталость и глубокое изнеможение, ступая по скошенным подъездным ступенькам. Дом. Моя крепость. Которая никогда не сдаётся врагу и всегда меня защищает. Около двери стояли Сорин и Катерина.

– Нико! – крикнул он, бросаясь ко мне. – Ты куда пропала?

“Никуда”, – повела я плечами, косясь на недовольную Катерину. Она удивительно красивая, нежная на лицо, совсем как юная майская роза. Сколько лет её знаю, так и не заметила признаков взросления: ни мелких морщинок, ни сухости кожи, ни одного седого волоса, будто застывшая во времени изящная статуя шествовала подруга Сорина через года.

– Ты бы хоть написала, что всё нормально! – продолжал негодовать Сорин. – Сначала никаких ответов, потом и дозвониться до тебя не смог! А время-то уже позднее. Решил заглянуть, но и тут пусто. Где ты была?

– Гуляла, – оправдывалась я знаками, ловя на себе раздражённые взгляды Катерины. – На работе выдался тяжёлый день.

– Почему раньше не написала? – возмутился он, а мне вдруг стало так больно в груди, так тоскливо и почему-то обидно, что я просто взмахнула неопределённо руками, протиснулась между Сориним и его теперь уже невестой к квартире, ворвалась внутрь и захлопнула дверь.

По щекам катились слёзы. Я слышала, как спорили, почти ругаясь, Сорин и Кати. Он, похоже, не собирался никуда уходить и хотел поговорить со мной о том, что же произошло. Но спустя пару минут сдался под напором подруги, и пробормотав в замочную скважину “Напиши, как ты”, удалился. А я так и стояла, облокотившись на дверь, в темноте, взмокшая в тяжёлой куртке, и не могла остановиться. Как же хотелось, чтобы завтра случился выходной, – тогда не пришлось бы выходить на работу, снова слышать насмешки Петши и сжиматься под взглядами коллег. Ведь я отличный специалист, опытный. Даже без голосового общения с клиентами могу сделать так много, что иной работник не в состоянии.

Вечное угнетение... В магазине от тебя требуют слов, в больнице – тем более, даже в тесном автобусе, и там, нужно

что-то говорить. Если бы весь мир вдруг замолчал, потерял свой голоса, стало бы мне легче?

Звон

Забросив идею о позднем ужине, я даже не стала принимать душ: упала в постель, едва раздевшись и провалилась в сон, ожидая при этом ночь бессонную. Сдавленный шёпот Сорина звучал в ушах, тревожно убаюкивая, как бывает поют камыши вдоль заболоченного пруда. Часто в далёком, почти забытом детстве, я убегала посидеть среди зарослей на краю бабушкиной деревни и послушать, о чём говорит природа. Тогда мне всё вокруг казалось волшебным и живым: деревья, травы, даже вода в пруду, в которой чёрными разводами отражался мир. Кати хорошая и милая девушка, отличная пара для Сорина, но он для меня больше чем друг – брат, пусть и не родной по крови. Я не хотела бы отдавать его полностью, это противоречит моим представлениям о нормальной жизни. Брак не тюрьма, и я не соперница.

Остаться одной тогда, когда так нужно дружеское плечо рядом – больно, страшно... И заснула я с мыслью о готовности кричать в бесконечное пространство, что не справляюсь.

В эту ночь я не видела лиц, не видела ничего, только слышала: размеренный гул голосов, смешанный со слёзными всхлипами, едкими смешками и упрёками. “Говорить, ты должна говорить”, “Все люди умеют говорить”, “Нам нужен твой голос”, “Не хочешь разговаривать? Захоти!” – эти и сотни других, совершенно непонятных и обидных фраз, колких,

как иглы швей, мучили моё сознание. И я могла бы им ответить, сказать всё, что чувствую, выплеснуть накопившуюся обиду и страдание... Но не могла. Даже во сне я открывала свой рот, шевелила губами, а получалась только тишина. Вязкая, надоевшая, совершенно пустая тишина. Не было в ней ничего, что могло бы показаться похожим на самый захудалый звук. А раз у меня не было голоса, то не было и ничего другого. Я рассеивалась, тонула в чужих голосах, с шипением и треском, с молчаливой мольбой, а они всё звенели и звенели, шептали, кричали, пели, сливаясь в монотонный звон, как если бы кто-то ударил по колоколу и не позволял ему затихнуть.

Звон. Из ушей он расползлся по телу, заполнял его, как вода – странной формы сосуд. Звенели и мои руки, и ноги, и даже каждый волосок. Этого противного звука стало так много, что я открыла глаза в поисках спасения. Под ухом трезвонил будильник, надрывно сообщая о том, что мои мучения готовы продолжиться.

Скудный завтрак, дорога до работы, ежедневные утренние приветствия, гудящий компьютер: всё было привычным и знакомым, но звон в голове так и не стихал. Я боялась очередных нападков Петши, не хотела их, не хотела вообще ничего, кроме как оказаться в своей уютной квартире. Этим утром никто из новых коллег так и не поздоровался со мной, все демонстративно делали вид, будто меня и вовсе не существует. Никто не обратился по имени и за весь день. В обе-

денный перерыв я выскочила на улицу, позабыв шарф и кошелек с сумкой. Благо в кармане завалялась пара бумажек – как раз хватило на кофе и лёгкий салат в ближайшем кафе. Время тянулось невыносимо долго, снимая с меня последний защитный слой, медленно вода шероховатой наждачкой суровых и сочувствующих взглядов.

Петша так и не появился, чему я была несказанно рада, но по дороге домой получила от него сообщение, гласящее о приглашении завтра на коллективную беседу, касающуюся перераспределению ролей внутри отдела. Что мне оставалось? Только вздохнуть, ответить утвердительно о своём присутствии и понимании полученной информации, и поспешить домой. Сорину я ничего не писала со вчерашнего дня и надеялась, что он не решился снова приходить. Но ошиблась.

Как только дверь подъезда хлопнула за моей спиной, из-под лестницы показался помятый и угрюмый старый друг. Я бегло осмотрела его и пошла дальше, медленно переставляя ноги по ступенькам.

– Нико! – начал было он, но я остановила его приподнятой рукой предостерегая.

Тяжело вздохнув, мой печальный товарищ продолжал своё настойчивое преследование и уже перед самой квартирой не выдержал.

– Ну я же знаю, что тебе трудно! Что на работе сейчас сложный период. Почему ты не хочешь со мной поделиться?

Почему не хочешь рассказать? Ты не должна справляться с этим всем одна, Нико! – он тронул меня за руку, и я резко её отдернула, не собираясь ничего отвечать.

Тогда Сорин перегородил подход к двери, так и не дав выдернуть ключ из замка.

– Прекрати это, пожалуйста. Я не хочу с тобой ругаться, но и оставить всё как есть, тоже не могу.

– Должен, – быстро бросила я ему в лицо жестом и, отпихнув, почти упала в свой тёмный коридор.

– Ничего я не должен! – ворвался следом за мной он, запирая дверь.

Мы стояли во мраке, пытаясь рассмотреть друг друга. Сорин крепко вцепился в мои плечи, словно я могла убежать или раствориться в воздухе. Объясняться казалось бессмысленным, поэтому изловчившись, я достала телефон, ослепив нас ярким светом, и быстро набрала то, что хотела бы сказать:

“Это всё очень тяжело. И я не могу об этом говорить”.

Ответом был слишком сочувствующий взгляд, слишком искренний и добрый. Кто, как не бессменный друг, мог понимать всю сложность ситуации и моего к ней отношения? Осторожно обняв меня, он зашептал проникновенно:

– Может, тебе стоит поговорить с начальством и вернуться в свой отдел? Или вовсе сменить работу? Ну нельзя же себя изводить бесконечными страданиями... Есть места, где тебе точно будут рады и не станут сомневаться в способности

нормально работать только из-за того, что ты не говоришь... А, может, снова попробуем терапию? Нельзя сдаваться... Не могу видеть, как ты живёшь одинокую, ограниченную жизнь. Нико... Ты ведь интересная, весёлая, добрая девушка. Пожалуйста, не издевайся над собой...

Попробуем... Конечно! Попробовать должна я одна, а Сорин будет проводить это время с Катериной, что вполне естественно и понятно. Одинокая жизнь... Он и сам прекрасно видел, как ко мне относились люди, и почему я прекратила попытки устроить личную жизнь, вступить в отношения. Признаться себе в том, что ты отличаешься от других людей, оказалось проще, чем научиться с этим жить. И работа оставалась единственным элементом, создающим иллюзию нормальности.

Я оттолкнула его, пытаюсь собраться с мыслями, чтобы пересилить себя и указать на дверь. Но Сорин прекрасно знал меня, предугадывая каждый мелкий шаг.

– Когда-нибудь ты прекратишь вести себя как обиженный на весь мир подросток. И не говори, что не обижаешься. Вместо того чтобы искать тихие заводи, ты бросаешься в бурный поток, с которым никогда не имела дел. Ну почему так сложно чуть умерить собственную гордыню и сменить работу? – твердил он, помогая мне снять куртку. – Перестань делать вид, что ты совершенно обычная девушка. Ты – не обычная. У тебя есть особенность, но она никаким образом не влияет на человеческие и профессиональные качества. И

жутко глупо убеждать себя в том, что ты можешь игнорировать то, что отличает тебя от других.

Он зажёл ночник и усадил меня на диван, сам же опустился на корточки и заглянул в глаза. Я воспользовалась моментом и высказала ему то, что очень хотела:

– Хочу быть как все! Почему я должна уходить в тень, менять работу или заниматься чем-то другим? Почему нужно уступить своей особенности? Разве она победила меня? Не хочу, чтобы она управляла моей жизнью!

– Нико! Но ведь это сейчас и происходит! Тем более бесконтрольно! Ты как тот ёжик, который продолжал есть кактус. Может быть среди тех, кто имеет такие же проблемы, как и ты, тебе станет легче? Они такие же люди.

– Ты мне предлагаешь устроиться работать с инвалидами? – в груди вспыхнул пожар. Я вовсе не считала себя безнадёжной... И эта мысль ещё сильнее ударила в самое сердце. Никто не виноват в своих особенностях, а я действительно страшилась людей, похожих на меня, будто бы они были заразными. На самом же деле заразна я – своей безмерной гордыней и глупостью, предвзятым отношением к тем, кто ничего не может в себе изменить. Я тихо всхлипнула и опустила голову. Дышалось с трудом.

– Ты вовсе не думаешь о них плохо? Ты не такая, я знаю, Нико... Не думаешь же ты, будто общаясь с ними, лишишь себя шанса на выздоровление?

Я покачала головой. Конечно, думала. Постоянно дума-

ла. Потому что не хотела сдаваться, жаждала борьбы и боялась её, страшась неутешительных результатов. Пока что у меня ещё была надежда, благодаря которой удавалось жить довольно сносно и местами даже вполне счастливо.

– Ты не плачь только... Мы вместе что-нибудь придумаем! Может быть всё не так плохо? Ты расскажи хоть, что происходит на работе? А то я строю догадки, строю... – зазвонил телефон, и Сорин, быстро сбросив звонок, продолжил уже не так спокойно и рассудительно. – Сейчас обязательно поужинай, прими тёплый душ и ложись спать, не думай ни о чём. А завтра напиши мне все-все подробности, я постараюсь сообразить, как тебе помочь. И не отбрасывай вариант терапии, пожалуйста.

Не удержавшись, я погладила его по голове: такие приятные мягкие волосы, душистые. Ладонь соскользнула и тут же принялась говорить за меня:

– Сорин, просто иди домой. У тебя есть Кати, позаботься лучше о ней. Не хочу быть яблоком вашего раздора. Я справлюсь. Спасибо за помощь.

– Эй, Нико... Ты чего? Не отталкивай меня!

– Твоя жизнь меняется! И моё присутствие может всё испортить.

– Нет! Ты так давно знаешь Кати, да и она тебя...

– Дело не в этом. Друзья не должны быть важнее любимых и семьи, не должны отнимать слишком много сил и времени!

– Глупости! Ты – тоже моя семья. И тоже любимая девуш-

ка – совсем как сестра.

– Это ты говоришь глупости. Уходи, пожалуйста. Не заставляй меня чувствовать вину перед Катериной.

– Не узнаю тебя, – глухо пробормотал Сорин, пытаясь поймать мои ладони.

Резко поднявшись, я отошла к окну, надеясь, что этот посыл будет понят верно и однозначно. Но мой драгоценный друг не собирался уходить. Он снова сбросил звонок и мягкими шагами подошёл ко мне.

– Я могу уйти, если ты хочешь. Но совесть говорит о том, что мне нужно остаться.

Дурацкие стыдные слёзы всё ещё катились по щекам, собираясь под подбородком и капая на свитер и руки, которые крепко сжимали меня. Пара движений – и я уже толкала Сорина к выходу, стараясь сдерживать рыдания изо всех сил. Пустые, тихие, судорожные рыдания. Безысходные.

Он сдался. Тихо открыл дверь и понурый вышел под яркий свет лампы над лестницей. Сорин никогда не обижался, не сделает этого и теперь – я была уверена. Но боль, вина и сожаление о содеянном, о собственной участи и ожидание завтрашнего собрания, звенели в ушах точно так, как ранним утром странный сон с ворвавшимся в него будильником.

Шорохи

Попасть на собрание мне удалось только дистанционно: ранним утром я проснулась с дичайшей головной болью, возвестившей о высокой температуре. Врач обещал быть во второй половине дня, поэтому, вооружившись горячим чаем, таблетками и бутылкой воды, забралась под одеяло, набирая сообщение Петше о вынужденном отсутствии. Наверное, он подумал, будто я испугалась и решила совсем как рядовая школьница прогулять. Может, именно поэтому в назначенное время мне пришлось выйти на связь, чтобы увидеть мрачные лица коллег и выслушать гневную и эмоциональную речь начальника.

Голова гудела, глаза слезились, так что картинка на экране постоянно расползалась в разные стороны, словно смытая с бумаги акварель. На обращённые ко мне вопросы я отвечала письменно, не чувствуя себя униженной только потому, что все силы организма оказались брошены на поддержание более или менее живого состояния. Спустя полчаса бессмысленной подготовительной болтовни, Петша перешёл к делу: схему взаимодействия и новые роли в отделе он видел довольно странно, но уверял, что так действительно будет лучше. Среди зачитанных фамилий я не услышала свою и задала прямой вопрос. Собрание продолжалось, будто бы так и надо, будто бы меня не было в сети: сообщение наверняка

видели все, но ни Петша, ни кто-то другой, не отвечали. Я хотела было отключиться, но в этот самый момент удостоилась ответа.

– Николетта, – вещал начальник, глядя куда-то мимо камеры, – пока вы на больничном, мы обойдёмся без вас, распределим обязанности. А когда выйдете, тогда и обсудим дальнейшие перспективы.

Его ледяной тон, безразличный, как кусок нержавеющей стали, смутил мои мысли. Это был намёк на увольнение, на очередной перевод, на отстранение от должности? Бросив в чат короткое “прошу прощения, очень плохо себя чувствую”, я нажала кнопку “выйти”, отложила ноутбук в сторону, приняла таблетку и попыталась уснуть. Руки и ноги нещадно ломило, выкручивая каждый суставчик, горло саднило, будто я проглотила стакан битого стекла. Часы на стене тикали в такт моей дрожи, отсчитывая секунды до выздоровления. Сон не шёл, лекарство не помогало.

В дверь позвонили, резко и смело – пришёл доктор. Вполне привычный диагноз: вирусная инфекция, рецепт на другие таблетки, рекомендации по режиму дня, пожелания выздоровления, – всё это было так знакомо, так просто и спасительно, что мне хотелось обнять этого милого мужчину средних лет, принёсшего запах лекарств и улицы.

Сорину я ничего не написала, решив выйти в аптеку чуть позже самостоятельно, и под мерный шёпот ветра за окном, уснула. Но связаться с ним всё равно пришлось уже ближе к

вечеру – жар не спадал, и сил выйти на улицу не набралось. В полутьме я видела смутную тень друга в коридоре: он спешно раздевался, стараясь не шуметь, и скоро показался в дверях спальни.

– Нико! – с укором глянул на меня Сорин, доставая из пакета лекарства. – Ну как ты так умудрилась?

Я только пожала плечами – это движение за полжизни успело надоесть. Если бы знать – как так вышло. Нервы, слишком холодная погода, усталость, действительно вирус? Да мало ли причин у болезней. Может это было нежелание видеться с Петшей?

– Хорошо, что ты решила вызвать доктора. Эпидемии, конечно, нет, но болеющих достаточно. Не хватало ещё подцепить какой-нибудь грипп. Ты знаешь, какие бывают осложнения? – тараторил он, мимоходом поправляя одеяло и заглядывая в пустую кружку. – Неужели моя подруга такая беспомощная, что даже чаю себе налить не может? – шутливо улыбнулся Сорин и удалился на кухню.

А ведь я и правда оказалась совершенно беспомощной, брошенной болезнью в постель с жаром, головной болью и слабостью. Если бы Сорин в это время находился в командировке, то обратиться за помощью я не знала бы к кому. Не звонить же родителям и вынуждать их ехать за тридевять земель просто чтобы купить мне лекарства?

– Посижу с тобой немного, – присел рядом он, вернувшись с дымящейся кружкой и небольшим термосом. – По-

дождю, пока температура спадёт, тогда пойду.

– Спасибо, – мелькнули мои ладони. – Без тебя я бы не справилась. Катя не обиделась?

– Ну о чём ты, Николет? Как можно обижаться на заболевшего? Такое предугадать невозможно. А ты вообще болеешь так редко, что даже лекарств дома не держишь, – Сорин чуть помолчал и гораздо тише спросил. – На работе как отнеслись к болезни?

– Не знаю. Я хочу уволиться.

– Из-за начальника? Глупо.

– Ты сам говорил, что стоит попробовать найти себя в другом. Может быть, так и надо поступить.

– Не узнаю тебя, Нико... Надеюсь, в тебе говорит не отчаяние.

– Усталость. Скоро Рождество. А я не чувствую ничего, кроме пустоты и обиды.

– Это ведь связано не только с работой, да?

– Да, – быстро ответила я и поспешила отвести взгляд.

Сорин молчал. Ему было что сказать, но он медлил. Да и моя уверенность в желании слышать слова растворилась. Я тронула его руку, попросив тем самым посмотреть на меня. Чудесные добрые глаза этого человека, давно уже взрослого мужчины, казались мне такими знакомыми и близкими, и в то же время – далёкими, что я позабыла, что собиралась произнести, вглядываясь в его лицо. Он крепко сжал мою ладонь и даже не улыбнулся, как бывало обычно.

– Нико... Мы столько лет вместе... Неужели ты всё ещё думаешь, что я смогу оставить тебя? Разве того разговора было мало? Или есть что-то, о чём я не знаю? Так скажи.

Я помотала головой и сползла с подушки, чтобы улечься на ладонь Сорина: когда мы были чуть младше, всегда так делали – пытались услышать сквозь вены биение сердца, если не могли о чём-то говорить, если было слишком больно. Он гладил мои спутанные волосы иногда сдержанно вздыхая. Я – эгоистка. Заставляла его сидеть здесь со мной из-за слабости, из-за жалости к себе, хотя знала, что место Сорина рядом с любимой девушкой, которая совсем скоро станет женой. Странное слово – слишком серьёзное и будто бы нереальное. А может, и не станет. Свадьбы и помолвки часто расстраиваются, по разным причинам. Нет, я не желала другу беды или горя, или чего-то плохого, но где-то в глубине души надеялась, что произойдёт нечто. И тогда всё вернётся на круги своя, чтобы никогда не изменяться.

Сорин ушёл так же тихо, как и пришёл. А вот когда – я не знала. Спала. Открыла глаза ближе к полудню следующего дня. Смутные шорохи за окном и в вентиляции говорили, что погода не спешила налаживаться. Заболеть удалось вовремя – ближайшую неделю выходить на улицу не придётся – непогода пройдёт мимо. Гораздо приятнее пережить ветра, дожди и снежные бури в уютной и тёплой квартире, не пытаясь в рекордные сроки добраться до остановки, чтобы иметь возможность провести несколько часов на работе.

Особенно если начальник – Петша, особенно если я – это я.

Лёжа в постели, я вспоминала, как наша семья готовилась к Рождеству раньше. Мама шила или новые костюмы, или чинила старые, чтобы мы могли распевать разные песни-гимны, перебегая от одних соседей к другим – у бабушки в городке так было принято. Колиндатул. Интересно, сейчас дети тоже так делают, или эта традиция успела превратиться в представления, какие можно увидеть на улицах Бухареста в праздник? Вдруг мне почудился запах козонака, который мама всегда пекла к празднику. С тех пор как я жила одна, так ни разу и не попробовала приготовить его самостоятельно. Быстро прикинув, что нужно купить, удостоверилась в том, что всё верно записала в блокнот, и устало откинулась на подушки.

К вечеру температура поднималась вот уже четвёртый день, даже несмотря на то, что днём я чувствовала себя гораздо лучше. После работы забегал Сорин, приносил готовую еду и какие-нибудь фрукты. Обязательно наливал чай и минут пятнадцать рассказывал, как прошёл день, какая погода за окном и что он уже успел купить к Рождеству.

Мне бы тоже хотелось прогуляться за покупками, может начать украшать квартиру, но болезнь не оставляла надежд. На смену жару пришёл кашель и общая слабость – так что выписал меня доктор только к следующим выходным, и первый из них я решила провести в небольшом кафе недалеко от центра. Уютно расположилась за столиком подальше от

входа, заказала травяной чай и кусочек домашнего пирога. Погода обещала скорый снег, так что настроение и у меня, и у окружающих было более чем праздничное.

Бухарест красовался блестящими ёлками, яркими гирляндами и ряжеными. За окном сновали небольшие группы туристов и рядовые горожане. Многие из тех, кто приезжал сюда на заработки, перед Рождеством возвращались к родным пенатам, а их места занимали иностранцы, правда, желающие провести праздник как можно дальше от дома. К такому положению дел я успела привыкнуть, а в этот раз решила отмечать одна, здесь. А не ехать к родственникам. Успеется.

Дверь распахнулась, звякнув колокольчиком, и в кафе ввалилась шумная компания явно подвыпивших молодых людей. Я бы не обратила на них внимание, если бы не знакомый голос. Петша. Он вместе с друзьями устроился за столиком через пару мест от меня. Первым порывом было желание подняться и уйти, но тогда меня бы точно заметили, а на что способен мой начальник вне работы – неизвестно. Стараясь не смотреть в его сторону, я медитативно пила чай и жевала пирог.

“Представь себе, – написала Сорину, – вышла погулять и встретила в кафе Петшу”.

“Ого! А он что?” – тут же пришёл ответ.

“Да ничего. Не заметил. Но я теперь боюсь выходить. Вдруг увидит”.

“Поздороваешься, и всё. Не бойся”.

Легко сказать “не бойся”. Мне было жутко неприятно представлять, что может произойти, если Петша меня заметит. А с другой стороны – чему быть, тому быть. В понедельник на работе всё равно придётся столкнуться лицом к лицу, сейчас же оставался шанс быть незамеченной.

Исподтишка я продолжала свои наблюдения: вместе с моим начальником за столом сидели три молодых человека и две девушки. Они смеялись, довольно громко обсуждая что-то, заказали целый торт и теперь с аппетитом ели. Самый лучший момент, чтобы покинуть заведение. Я встала и направилась к выходу, осторожно лавируя между столиками.

– Ниолетта! – раздался громкий окрик Петши. Пришлось остановиться. Я повернулась в его сторону и кивнула. – На работу когда? – крикнул он снова и рассмеялся. – Не ответишь?

Я помотала головой под его насмешливым взглядом и, видя, как рот начальника расплывается в противной улыбке, выскочила на улицу. Что за идиот? Поведение младшеклассника. Неужели Петшу никто не воспитывал? Никогда не встречала взрослого человека, готового издеваться или смеяться над... Над тем, кто чем-то отличается от других. Страшное слово, которое должно было обозначить меня с моим недугом, так и застряло где-то далеко. Даже внутренний голос сопротивлялся. И больше, чем стыд за поведение начальника, меня стал сжигать стыд за саму себя. Сорин был

абсолютно прав: пока я не признаю то, что действительно не такая, как остальные, пока не прекращу попытки жить так, будто всё со мной нормально, ничего не изменится. Потому что я знаю, что со мной не всё нормально. Я сама стыжусь отсутствия речи, боюсь отличаться, тем самым только выпячивая свою проблему. Нет ничего страшного в том, что кто-то не может говорить или слышать. Человек всё равно остаётся человеком, не требуя к себе особого отношения, но принимая помощь и радуясь поддержке.

Что же делала я? Знала, что не смогу выполнять полноценно работу, настаивала на том, чтобы быть как все. Даже не попыталась услышать тех, кто доносил до меня простую истину – с клиентами иногда действительно нужно говорить голосом. Это же очевидный факт! Моё отрицание перешло все мыслимые границы. Я не виновата в том, что не могу говорить. Мне нечего стыдиться и нечего скрывать – факт отсутствия голоса не делает меня жутким монстром, на которого невозможно смотреть. Всё это, конечно, не оправдывало Петшу, но тем не менее...

С внезапно родившейся уверенностью в своём решении я бодро вышагивала по мокрому асфальту, не замечая прохожих. Под ногами шуршали неведомо откуда появившиеся опавшие листья и листы рваной газеты с громкими заголовками. Вечерело. В кармане вибрировал телефон. А я проигрывала в голове диалог с Петшей, который намеревалась устроить в понедельник.

В тишине квартиры я сидела на кровати, завернувшись в старый плед, и мечтала, чтобы рядом оказался Сорин. Но целенаправленно не отвечала на звонки, прислушиваясь к одиноким звукам, доносившимся из-за двери и окон.

Шорохи.

Вот ветка дерева скользнула по старой кирпичной кладке. Теперь кто-то сдвинул ногой придверный коврик с мягким звуком “шуррррх”.

Хлопнула дверь на последнем этаже и шаркающей походкой престарелая соседка зачем-то спустилась на лестничный пролёт.

Я подогнула ногу, шершаво проведя ей по покрывалу.

Снова зазвонил телефон.

– Нико! – тревожный голос Сорина. – Всё нормально?

Если бы я могла ответить. Голосом. Своим, давно забытым голосом. Тихонько постучав по экрану, я дала понять другу, что слышу его.

– Напугала, – выдохнул он. – Я уж думал вы там с Петшей в кафе поругались. Или ещё что случилось. Напиши мне, пожалуйста, подробности. И да! Завтра пойдёшь со мной за покупками? Николет... Мне бы сейчас надо быть рядом, знаю. Как раньше, помнишь? Когда мои родители уезжали на выходные, мы по полночи смотрели с тобой дурацкие сериалы, ели всякую ерунду, а потом почти до утра по очереди считали несуществующих овец, чтобы уснуть. Такая глупость... А вспоминается сейчас как самое лучшее время. Пожалуй,

нам нужны два одинаковых пледа, чтобы... Даже не знаю. Просто чтобы были. В общем, – он как-то смущённо кашлянул, чуть помолчал и продолжил уже более уверенно, – жду сообщения!

В трубке раздались гудки. Я набрала текст, стёрла. Сползла по стене в подушки и снова написала. Наши общие с Соринем воспоминания были похожи на те ночные шорохи, что сейчас окружали меня: далёкие и близкие одновременно. Вроде бы существующие, а вроде бы и нет. Какой толк вспоминать прошлое, которое уже никогда не повторится ни в том виде, ни в каком-либо другом? К чему вдруг Сорин вспомнил то время? Или это рефлексия перед новым этапом в жизни? Возможно ли, чтобы он сомневался в своём решении? Вечно улыбающийся, лохматый и добрый. Один из самых высоких ребят в классе, бесшабашный парень с соседней улицы. Почти брат. И через сорок лет он останется для меня таким же. Так стоит ли вспоминать? Это только приносит боль и сожаление.

“До завтра”, – написала я в итоге и, засунув телефон под подушку, уснула.

Ветер

Лёгкие снежинки падали с неба, похожие на пух от старой бабушкиной подушки, но таяли, не добравшись до земли. Вот он – дух Рождества. Сорин ждал на перекрёстке у остановки, как и многими годами раньше, когда мы ещё ходили в школу. Против своего мрачного настроения я улыбнулась, встретившись с его весёлым взглядом. Он крепко обнял меня, поправив шапку, и, пожалуй, слишком бодро поздоровался.

– Нико! Как я рад видеть тебя здоровой!

– Иначе и быть не могло, с твоей-то заботой, – ответила я ему замёрзшими руками.

– А погода-то уже почти зимняя, – тут же отреагировал Сорин, утягивая меня в первый попавшийся автобус. – Поедем в центр! Хочу купить оставшиеся подарки. Ты что-то придумала для своих?

– Ничего.

– О! Ну так нельзя же...

– Каждый год одно и то же, я уже не знаю, что покупать.

– Ёлочные игрушки! Самый лучший подарок, – снова улыбнулся он.

– Если только для тебя, – мне бы хотелось рассмеяться. На каждое Рождество мой товарищ просил у друзей и родных только эти подарки. Мне казалось, что такое количество

игрушек просто не в состоянии поместиться на ёлку, но из года в год друг доказывал обратное.

– Ну почему? – совершенно по-детски удивился он. – Красивый подарок же! И полезный. Да ещё и памятный.

– А что ты купил Кати?

– Свитер. Она хотела с традиционными узорами. Вот... – Сорин как-то сник, и мне подумалось, что между ними что-то произошло. Я тронула его за руку, чтобы попросить обратиться на себя взгляд.

– Вы поругались?

– Обычное дело, – пожал он плечами. – Планирование свадьбы – дело очень нервное.

– О... Понятно.

Мы молча доехали до конечной остановки, а дальше шли пешком под мелким снегом, среди таких же праздничношатающихся. Витрины мелькали яркими украшениями, зелёными ёлками, двери так же приветливо как и всегда позвякивали колокольчиками, стоял мерный шум разговоров, шороха проезжающих автомобилей, раздавался весёлый смех, а между всем этим проносился ветер, подхватывая снежинки и унося их вдаль. И вдруг я почувствовала себя невероятно одинокой, словно была единственным человеком на Земле, абсолютно пустой и холодной, которую любил только этот непонятный снег, не сумевший даже укрыть её мягким покрывалом. Я схватила Сорина за руку и на ходу уткнулась в его плечо. Он тут же приобнял меня и тихо спросил, скорее

всего, не ожидая ответа:

– Эй... Ну чего ты? Не грусти, Нико. Николетта... Всё нормально. Я рядом. Хочешь, сначала выпьем чаю? Или какао, а может кофе или глинтвейн? Да что угодно.

Мы медленно шли по улице, ловя подозрительные взгляды, а Сорин всё продолжал:

– А хочешь, сходим на ярмарку в следующие выходные? Народу будет прорва, конечно, зато шумно и весело? Нет! Я придумал лучше! Будешь отмечать Рождество с нами?

Я отчаянно замотала головой и даже чуть оттолкнула Сорина от себя. Он с недоумением поднял на меня взгляд и остановился.

– Не хочешь?

– Ни за что! – быстро-быстро перебирала я руками. – Что за ерунда вообще! У вас семейный праздник, считай первый в новом статусе с Кати. Тем более вы поругались!

– Рядовая ссора! Мы на неделе по сто раз так ругаемся, о чём ты вообще, Николетта. У меня сердце кровью обливается, когда я вижу, как тебе тяжело и одиноко.

– И пусть обливается! Я его не просила об этом! Хочу провести Рождество одна. Испеку козонак, куплю вина...

– Я всегда знал, что эта Николетта – ужасно противная девчонка. Вроде выросла, а ни капельки не изменилась! – буркнул в сторону Сорин и сгрёб меня в объятия.

Он мог бы легко закинуть меня на плечо и отнести куда угодно, как делал в школе, если я не хотела составить ему

компанию и прогулять урок. Но сейчас всё закончилось долгим, внимательным взглядом, от которого побежали мурашки, и поворотом в небольшую кофейню. Выпив горячего чаю с ягодами, мы снова выбрались на улицу, прошли полквартиры до любимого большого ТЦ, и, спрятавшись от пронизывающего ветра, очутились в шумном и светлом помещении.

Никогда мне не нравилось, продираясь сквозь толпу, бродить по магазинам в поисках чего-то интересного и ценного. Что это за вымученные подарки получатся, если я уставшая куплю уже хоть что-нибудь, чтобы только вырваться из удушающей атмосферы? А вот Сорин чувствовал себя как рыба в воде: перемещался от одного прилавка к другому, подтаскивая меня за руку, что-то спрашивал, показывал, просто-таки требовал совета!

Ко второму часу моих страданий мы всё уже умудрились купить почти все оставшиеся подарки, и теперь я сидела посреди широкого коридора с кучей пакетов в ожидании друга. Он решил не мучить меня, и убежал на второй этаж со словами “я забыл кое-что очень важное!”.

Забавный. Очень уютный и родной. Странно было думать, что скоро Сорин уже не будет только моим другом, а ещё чьим-то более важным человеком. Мне хотелось, чтобы он был счастлив, но ревность всё равно колола сердце. Боялась ли я признаться себе, что испытываю к нему нечто большее, чем просто дружеские чувства? Наверное, нет. Более того, я была совершенно уверена в обратном – как мужчина Со-

рин никогда меня не привлекал. Во всяком случае, не должен был.

Я начала вспоминать каждую свою реакцию на его поведение, слова и прикосновения. Было ли что-то такое, что должно насторожить? Может сердце ёкнуло, может дыхание сбилось? Что я чувствовала кроме теплоты, радости и спокойствия? Было ли большее? Кажется, с тех самых пор, как голос меня покинул, я даже ни в кого не влюблялась по-настоящему. Книжные и киногерои не в счёт. А почему? Не потому ли, что Сорин всегда был рядом и...

– Нико! – крикнул он от эскалатора и почти подбежал ко мне с огромными пакетами в руках. – Это наши подарки!

Я недовольно глянула на него – не дал додумать очень важные мысли, и не смогла не улыбнуться: таким счастливым выглядел мой старинный друг, что казалось, будто его радостью наполняется всё вокруг. И она, эта радость, возьмёт и выплеснется наружу через большие двери, заполнит улицы Бухареста, смешается с водами Дуная и понесётся по всей Европе, сметая на пути всё грустное и печальное.

– Эй! – помахал Сорин перед моим лицом свободной рукой. – Очнись, спящая красавица!

– Что там у тебя? – с любопытством проговорила я молчаливо и потянулась к пакетам.

– Как что? Наши пледы. Абсолютно одинаковые. Один тебе, другой – мне. Чтобы даже на расстоянии мы могли бы вместе... – он говорил всё тише и тише, присаживаясь рядом

со мной. – Вместе, как и раньше... Ты же поняла? Да?

Я кивнула и вытащила плед. Мягкий, вязаный. Красивейшего цвета морской волны. И второй виднелся точно такой, Сорин совершенно серьёзно купил нам два одинаковых. Такой трогательный и милый жест, и такой странный. Слишком интимный и неоднозначный. Я положила ладонь на его руку в знак благодарности, собираясь как-то выразить это чувство словами, но не успела. Нас окликнули. Сорин вздрогнул и обернулся: к нам спешила высокая блондинка с огромным стаканчиком кофе.

– Привет! – ещё издалека помахала она. – Сорин! Сколько лет, сколько зим.

Вид её показался странно знакомым, будто мы уже когда-то встречались, только я упорно не могла припомнить никого, кто был бы на неё похож.

– Софи! – расплылся в улыбке Сорин и подскочил к девушке, чуть приобнимая. Они обменялись дружескими поцелуями и вернулись ко мне. – Это Николетта, моя большая подруга. Нико, это Софи! Мы когда-то работали вместе, она сейчас живёт в Хельсинки.

– Очень приятно, – улыбнулась Софи, протягивая мне руку. Я кивнула в ответ и ответила на пожатие.

– Нико не говорит, – совершенно буднично изрёк Сорин и, предвосхищая вопросы, добавил, – но прекрасно слышит. Это приобретённое.

– О, как жаль, – протянула Софи. – Неожиданная встреча,

да? Кто бы знал... Я совершенно случайно оказалась в Бухаресте. Друг пригласил на Рождество, но я приехала пораньше. А вы, Ниолетта, мне кажетесь очень знакомой. Никак не могу вспомнить, где могла вас видеть.

– У неё такое же ощущение, – озвучил мои жесты Сорин.

– Надо же! – она призадумалась и внезапно помрачнела в лице. – Имя Петша ничего вам не говорит?

У меня перехватило дыхание. Петша! Точно. Она была вместе с ним в том кафе, когда... Какой стыд. Я опустила взгляд. Кажется, и Софи, и Сорин всё поняли по моей реакции.

– Ты не подумай! – начала оправдываться она, обращаясь не ко мне, а к Сорину. – Мы с Петшей познакомились на повышении квалификации, давно уже. Подружились. Он подвыпивший был... Никто от него не ожидал... Господи... Как некрасиво вышло. Если бы знать.

– Софи, – успокоил он её, – не переживай, не надо стыдиться поступков Петши. Ты ему не мать и не сестра. Знала бы ситуацию, может смогла бы адекватно отреагировать.

– Я спросила у него потом... Но он только отмахнулся. Нико, наверное, было очень неприятно.

– Ну ещё бы. Петша и на работе, и вне её умудрился достать мою Нико.

– Да уж, – только и добавила она.

Я не знала, куда себя деть и как прокомментировать внезапный довольно личный разговор. Софи вроде бы и сожалел-

ла, и стыдилась, и вообще не показалась мне такой же гадкой как Петша, но внутри бултыхалась отрава обиды, потихонечку уничтожая первое приятное впечатление. Почему бы не вступить за меня тогда? Не важно, что за человек перед тобой, – разве что-то может оправдать насмешки и издевательства?

– Сорин, – подняла я взгляд на друга и медленно зашевелила пальцами, – давай уйдём.

– Ладно, Софи, был рад тебя видеть. Но нам пора, мы уже часа три гуляем, а завтра всем на работу.

– Точно, это же у меня отпуск, – сдержанно улыбнулась она в ответ, явно чувствуя себя неудобно. – Ещё раз простите, Нико. Счастливо!

Мы разошлись в разные стороны: Софи свернула в первый попавшийся магазинчик, а я и Сорин, медленно лавируя между посетителями, направились к выходу. На улице свистел ветер, бессовестно издеваясь над моим шарфом. При сильных порывах приходилось наклоняться вперёд или поворачиваться спиной. Кое-как мы добрались до автобусной остановки и спрятались за неё. Стало чуть спокойнее, но погода настойчиво портилась.

– А я уже надеялся, что к Рождеству выпадет снег, – тоскливо протянул Сорин. – Этот ветер сейчас разгонит все тучи.

Мне оставалось только пожимать плечами, ибо руки были заняты уймой пакетов, да смотреть по сторонам в ожидании. Всю дорогу ощущение некоторой неловкости не поки-

дало сердце, будто бы что-то произошло между нами такое, чего не должно было. Сорин изредка поглядывал на меня, перехватывая взгляд, улыбался, и уже перед самым выходом, схватил за руку. Вроде бы привычный и знакомый жест, но что-то в нём читалось настораживающее. Спасаясь от сильнейших порывов ветра, мы выскочили из автобуса и побежали во дворы, чтобы не ждать следующего.

Кое-где в окнах горел свет, прохожих почти не попадалось: все наверняка готовились к новой рабочей неделе. Мы петляли знакомыми дорожками и молчали. Эта тишина, нарушаемая только завыванием ветра в крышах, давила. До моего подъезда оставалось пройти метров десять, не больше, как Сорин вдруг остановился. Я вопросительно посмотрела на него и встретила странный, будто чужой взгляд.

– Нехорошо получилось... Жаль, что Софи напомнила тебе о Петше, – выговорил он. – Вечер был замечательным. Надеюсь, что тебе понравился подарок и...

И? Я подняла бровь, пытаюсь понять, к чему клонил мой дорогой друг, и собралась было поставить пакеты, чтобы задать вопрос, но Сорин был ловчее. Его руки моментально освободились и обняли меня, мы оказались так близко, что я невольно испугалась. Не хватило буквально нескольких секунд, чтобы отреагировать верно: наши губы соприкоснулись, абсолютно иррационально и непонятно. Кажется, я уже не помнила, что такое поцелуй, но Сорин исправил это. Только зачем? Но больше меня волновало другое – почему

я чувствовала тепло в груди и особенный трепет в сердце, словно всю жизнь только этого момента и ждала? Так ведь нельзя! Нельзя наслаждаться теплотой и нежной близостью друга, если он собирается жениться на другой. Я вообще не любила его как мужчину!

Кое-как собравшись с духом, отпихнула Сорина и задохнулась от нахлынувших чувств, среди которых попадались даже злость и отчаяние. Он смотрел на меня так же странно, как и несколько минут назад. Ветер шумел пакетами, которые мне ужасно хотелось выбросить. Но я осторожно поставила их на землю и спросила замёрзшими пальцами:

– Зачем?

– Сам не знаю, – тихо ответил он, не отводя взгляда. – Всё думал, а почему нет? Почему мы не попробовали?

– Может, потому, что друзья?

– Разве это мешает?

– Чему? Бессмысленным поцелуям?

– Нико...

– Ты, между прочим, предложение Кати сделал!

– Нет.

– В смысле?

– Мы поговорили... В общем, сейчас не время.

– Так ты мне врал? – руки у меня опустились и повисли вдоль тела. Наверное, хорошо, что я не могла ничего сказать, иначе кричала и била бы Сорина как безумная.

– Просто решил не говорить. У тебя столько забот было...

– Не понимаю.

– Да я сам тоже не очень ещё разобрался.

– Это всё из-за меня, да?

Он ничего не ответил, только сделал шаг вперёд. Я же предупредительно выставила ладонь. На душе что-то повисло тяжёлым грузом, было больно и трудно дышать. В один миг Сорин из друга превратился в кого-то другого, и я не могла понять – в кого. Мы будто бы и вовсе никогда не были знакомы, не провели друг с другом миллионы часов. Он стоял передо мной совершенно незнакомым, красивым, добрым, даже милым, но – чужим. Я схватила пакеты и бросилась бежать. В горле возник неприятный тоскливый ком, а глаза слезились. От ветра, конечно же. Во всяком случае я себя в этом убеждала, пока слышала за спиной тревожные окрики Сорина, шум старых крыш и шелест дурацких, никому не нужных пакетов.

Хлопнула дверь подъезда, я, задыхаясь, взлетела по лестнице и еле смогла попасть в квартиру. Руки тряслись, слёзы градом лились по щекам, хотелось провалиться сквозь землю, чтобы не испытывать того стыда, возмущения и полнейшей неопределённости, что поселились внутри. Сердце буквально разрывалось на части то ли от бега, то ли от нестерпимой боли.

Я чувствовала себя преданной, хотя никто меня не предавал вовсе. Но чем больше я утверждалась в этом чувстве, тем яснее становилась мысль, что Сорин в один миг растоп-

тал всё, выстроившееся между нами за долгие годы. Нежная и тёплая дружба, почти родственная близость, такая важная для каждого... Что теперь со всем этим будет? И кем будем мы?

Несчастливая Катя... Наверняка она думает, что их отношения с Сориным испорчены мной. И если раньше никаких подтверждений у этих мыслей и быть не могло, то сегодня мы получили первое и очень ясное доказательство. Мне вдруг захотелось написать ей, рассказать о случившемся, попросить прощения и... совета?

Да, я совершенно не понимала, что делать дальше. Стояла в тёмном коридоре с пакетами в руках и плакала. Зачем он сделал это? Зачем?

В дверь тихо постучали, и я отскочила от неё как ужаленная. И так загнанное сердце едва не остановилось, меня бросило в жар и затрясло. Осторожно опустив пакеты на пол, я подобралась к глазку и всмотрелась в того, кто стоял по ту сторону. И это оказался не Сорин. Вместо него на лестничной площадке переминался с ноги на ногу тоже довольно высокий молодой человек с рыжеватыми тёмно-русыми волосами, лохматый, в потёртых джинсах и сером вытянутом свитере. Он постучался снова и проговорил, приблизившись к двери:

– Я ваш сосед снизу, слышал, как вы поднимались. Откройте, пожалуйста, вы меня заливааете.

Смысл его слов дошёл до меня не сразу, будто бы он го-

ворил на чужом языке. Только тогда я прислушалась и поняла, что действительно где-то в ванной плещется вода, вернее – хлещет. Освободившись от пакетов, осторожно открыла дверь. Свет с лестницы на пару мгновений ослепил мои заплаканные глаза, и я невольно зажмурилась.

– Добрый вечер! – только сообразил поздороваться парень. – Я зайду?

Рассеянно кивнув, я включила свет в коридоре и проследовала за незванным гостем в сторону ванной. Картина перед нами открылась более чем печальная: сорвало кран, и вода фонтаном разлеталась в разные стороны, не щадя стены, полотенца и всякую мелочь на полке.

– О! Ничего себе тут у вас безобразие! – попытавшись перекрыть воду, парень буркнул что-то себе под нос и повернулся ко мне. – Инструмент есть какой-нибудь? – а что я могла ему ответить? Ничего. В прямом и переносном смысле. Кажется, по щекам всё ещё текли слёзы, и он истолковал это по-своему. – Понял. Минуту! Дверь не закрывайте только!

С этими словами он пробежал мимо, шумно перепрыгивая через ступени на лестнице – я хорошо слышала не только это, но и с силой захлопнувшуюся дверь этажом ниже. Сосед вернулся с большим рабочим сундучком и принялся чинить кран, который почему-то не собирался перекрываться никаким образом. Я стояла, оперевшись на стену, и наблюдала, как этот совершенно незнакомый человек пытается привести мою ванную в порядок, хотя у самого в квартире, навер-

ное, сущий бедлам.

– На самом деле всё не так страшно, – словно отвечая на мои мысли вдруг заговорил парень. – У меня только немного потолок в ванной и чуть-чуть в коридоре испорчен. Но это ерунда! Главное, что теперь ничего течь не будет. Остальное просохнет, – он сделал довольное лицо, отвернувшись от труб, и улыбнулся. – Надо только воду собрать. Тряпку дадите?

Тряпку? Я огляделась. На мне всё ещё было пальто и шарф, шапку я когда-то умудрилась засунуть в карман. Мой спаситель стоял по уши мокрый, в воде, а я смотрела на него и не знала, что нужно делать, будто бы забыла всё на свете. Вспомнив, что в шкафу лежали старые простыни, я вбежала в тёмную комнату, вытащила вещи с полки и бросила на пол в ванной. Сосед принялся мне помогать: мы собирали воду, отжимали тряпки в ванну и раковину, повторяли всё снова и снова. Я порядком выдохлась и чувствовала себя не просто разбитой, а растоптанной.

Когда последние капли воды исчезли с серого кафеля, я, плюнув на правила приличия и вообще – несколько отчаявшись, опустилась на пол в коридоре, блаженно прислонившись к стене. Рядом со мной сел сосед. Чуть помолчав, он протянул мне руку:

– Тобар, будем знакомы.

Вместо того чтобы взяться за его ладонь, я нервно начала искать телефон – нужно написать своё имя и вообще как-то

объясниться. Поймав удивлённый взгляд Тобара, я подползла к пальто, сиротливо валявшемуся в стороне, извлекла из внутреннего кармана телефон и вернулась. Быстро набрала сообщение и показала соседу:

“Будем знакомы, Nicoletta. Можно просто Нико. Я не говорю”.

– Ого! Неожиданно! А зовут вас прямо как мою тётю, – Тобар мило улыбнулся, и мне всё же пришлось пожать его руку, внезапно оказавшуюся просто огромной по сравнению с моей ладонью.

“Спасибо”, – написала я. – “Без вас не справилась бы”.

– Ага, – ответил он без ложной скромности. – В воскресенье вечером аварийную службу можно ждать до утра. К тому времени весь наш дом бы уже уплыл.

Я тоже улыбнулась, не найдя что ответить, но Тобару и не нужны были слова. Он продолжал свои рассуждения, поглядывая на меня.

– А вы, Нико, не расстраивайтесь. Всё просохнет ещё до Рождества!

“Как же ваш потолок? Давайте я компенсирую ремонт?” – напечатала я быстро и протянула телефон Тобару.

– Не переживайте даже, разберёмся. Сначала надо оценить масштаб ущерба!

Он снова улыбнулся. Надо же, за всеми этими заботами я позабыла о том, что случилось вечером, а теперь, после лучезарной улыбки соседа, снова вспомнила. Сорин улыбался

точно так же – открыто и смело, будто никогда ни с чем печальным в жизни не сталкивался, но всё же Тобар был другим. Мне он показался более основательным и серьёзным, во всяком случае его взгляд выдавал человека, умудрённого опытом. И даже старый свитер с потёртыми мокрыми джинсами не портили впечатление.

– Дайте-ка ваш телефон, – попросил он, – оставлю свой номер, вдруг что случится!

“Можно на ты”, – написала я и передала ему аппарат.

– Будем на ты. Вообще, я тут снимаю квартиру, район нравится. Думаю задержаться подольше. Так что если вдруг какая помощь понадобится – звони! То есть, пиши, – чуть смутился Тобар.

“Обязательно”, – пообещала я с улыбкой.

Он помог мне подняться, и мы распрощались в коридоре. Закрыв за ним дверь, я прислонилась к ней, глубоко задумавшись. На меня смотрели пакеты, полные подарков, брошенное на пол пальто, яркие лампы в люстре, за окном свистел ветер, где-то за спиной растворялись в тишине шаги Тобара, а сердце изнывало от горечи, заполняющей его до предела.

Шаги

Этой ночью я почти не спала, бесконечно повторяя в голове поцелуй Сорина. Мне не хотелось его вспоминать, но человеческий мозг устроен таким образом, что любой травмирующий опыт переваривает до тошноты. С этим противным чувством я и пролежала без сна часов до четырёх утра, заработав сильнейшую мигрень и слабость. На губах сквозь солёный привкус пролитых слёз я всё ещё ощущала тепло своего друга.

Как он мог?

Столько лет, почти полжизни, мы провели рядом, делились друг с другом самым сокровенным, грустили и радовались, помогали и поддерживали. Никаких намёков на что-то большее, чем обыкновенная, хоть и крепкая дружба не было. И мне так хотелось, чтобы это длилось вечно, пусть бы бок о бок с нами стали жить другие люди, типа Кати.

Не так давно я серьёзно расстраивалась из-за того, что придётся делить Сорина с ней, его будущей женой, а теперь всей душой хотела этого. Совершенно ясно возникла передо мной мысль, что я ничего романтического к другу не испытываю. Ничего ведь в сердце не ёкнуло, никакая струна не оказалась задета.

Правда ведь? Да? А то тепло... Не считается?

С этими вопросами я и обратилась к измученному отра-

жению, встретив его в зеркале. Понедельник обещал быть крайне тяжёлым днём.

За завтраком я прочитала все пять сообщений от Сорина раз по десять, но так и не смогла сформулировать в ответ ничего сколько-нибудь толкового, словно не только не могла говорить, но и печатать разучилась. Чуть поразмыслив, набрала сухое “доброе утро” и отложила телефон в сторону.

За окном темнел новый виток декабря, прекратив пугать меня завыванием ветра. Хотелось снега и уже наконец-то Рождества, чтобы оставить позади всё то непонятное и печальное, что успело произойти за последнее время. Все только и говорят, что в свою жизнь нужно уметь пускать доброе и светлое, нужно быть открытым к этому. Вот только как? Разве я сопротивлялась когда-то чему-то хорошему? Да я только была бы рада, если бы оно со мной случилось. Но видимо, силы одного только желания недостаточно, ну либо я не так сильно хотела положительных изменений.

С тоской натянув шапку и укутавшись в шарф по самый нос, выскочила на знакомую холодную улицу. Автобусная остановка, пересадка, гулкие шаги замёрзших ботинок. Добродушный охранник на входе в офис. Суровая старая вешалка, гул компьютера, приветствия коллег и стук сердца в ушах, похожий на набат.

Комната постепенно заполнялась людьми, слышались тихие разговоры, телефонные звонки, шорох бумаг – все прилежно работали, выполняли свои привычные функции. Я же

толком не понимала, что делала: проверила рабочую почту и разобрала документы, скопившиеся за время больничного, но мыслями бесконечно возвращалась к двум людям. К Сорину и Петше.

К обеду голова гудела так, что я с трудом могла разобрать обращённую ко мне речь. Благо, что было её не так уж и много. С ужасом представлялось, как в дверь заходит Петша, как он внимательно смотрит на меня и презрительно улыбается. Заготовка заявления об увольнении лежала под клавиатурой, и я проигрывала тот момент, когда вытаскиваю её и отдаю начальнику в руки. Может, стоило для начала попросить о переводе обратно в старый отдел? Потеря в зарплате не так страшна, как униженная честь и потерянное достоинство.

Я настолько погрузилась в свои размышления, что пропустила самое тревожное: Петша уже оказался на своём месте. Выглядел он крайне помятым и угрюмым, сосредоточенно смотрел в монитор и постукивал ручкой по столу. Наверное, мой взгляд был слишком пристальным и выразительным, что начальник поднял голову и громко спросил:

– Николетта, с возвращением. Вы что-то хотели?

Отрицательно помотав головой, я поспешила вернуться к работе. То ли он был не настроен на очередные разборки, то ли решил оставить меня в покое. Каждый вариант казался мне странным и не похожим на обычное поведение Петши, но лучше не форсировать ситуацию. Что, собственно,

я и сделала, погрузившись в решение неотложных деловых вопросов. С одной стороны, это хорошо помогало отвлекаться от мыслей о Сорине, а с другой – откладывало принятие необходимого, но всё ещё слишком сложного решения.

После слов моего лучезарного друга я всерьёз задумалась о собственной неправоте, о шаткости позиции, утверждающей, что я ничем не отличаюсь от других и имею такие же права, как и все. Теперь же его слова казались странной уловкой, он будто бы хотел сделать из меня свою марионетку, а может, даже зависимой от его мнения. Удобная молчаливая подруга, ущемлённая в возможности вести нормальный образ жизни. Конечно, я была бы ему благодарна за всестороннюю поддержку. А оказавшись в среде таких же, как и я, перестала бы думать об иной жизни. Но у меня оставалась небольшая капля надежды на возвращение способности говорить! Да я вдруг поняла, что даже те, у кого такой надежды не осталось вовсе, не должны сбиваться в стайки и даже работать обособленно. Почему?

За всё время моей работы ни один клиент не возмутился тем, что я не разговариваю голосом, никто не отказался вести со мной дела: столько альтернатив беседе сейчас существует, даже странно думать о невозможности продуктивного и эффективного взаимодействия. Если все люди равны по рождению, то почему эта истина перестаёт работать тогда, когда кто-то самую малость отличается от другого?

Я отложила в сторону ручку и бумагу, свернула програм-

мы на рабочем столе, чтобы немного отдохнуть, и только тогда поняла, что комната пуста. Часы показывали чуть больше десяти минут после окончания рабочего дня. За столом у окна с задумчивым видом сидел Петша, около двери соби-рался домой наш общий коллега. Из коридора доносились шаги.

Быстро выключив компьютер, я поднялась, чтобы выйти. И на полпути к спасительному выходу меня догнал началь-ник, легко тронув за плечо.

– Николетта, не торопитесь, пожалуйста. Нам нужно по-говорить, только давайте выйдем на улицу.

Сердце сжалось, а к лицу прилила кровь. Стало жарко и отчего-то крайне неудобно, будто мы задумали что-то непри-личное. Быстро собравшись, я добралась до основного вы-хода и остановилась чуть в стороне от крыльца. Скрипнула дверь, Петша в тёплом шерстяном пальто спустился по сту-пенькам и подошёл ко мне.

– Вы к остановке? – спросил он. Я кивнула. – Давай-те пройдемся, провожу вас. И поговорим, – чуть помолчав, Петша огляделся и, замедлив шаг, начал говорить что-то со-вершенно неожиданное. – Я бы хотел извиниться. Пожалуй, моё поведение было слишком грубым и обидело вас, Нико-летта. Мы оба знаем, что вы прекрасный специалист, именно поэтому и оказались в моём отделе. У всех нас есть недостат-ки... И, думаю, что отсутствие голоса – не самый ужасный.

Каждое его слово я повторяла в голове – настолько нере-

альными они казались. Это сон? Ужасно неудобно было слышать то, что он говорил. Эти извинения, крайне похожие на искренние, заставляли чувствовать вину. Мы оба были предвзяты друг к другу, отказывались понимать и теперь не знали, как исправиться. Да, наверное, так и было. Я взглянула в глаза Петши – красивые, непривычно глубокого серо-голубого цвета, добрые. Так странно. На работе он выглядел совершенно иначе.

– Надеюсь, мы всё же сработаемся, – добавил он.

Я полезла в карман за телефоном, достала его трясущимися руками и быстро набрала ответ:

“Ваши слова, Петша, крайне неожиданны. Если честно, собиралась сегодня отдать вам заявление об увольнении, но так и не решилась. Мне хочется, чтобы люди видели не мою проблему, а меня”.

Он быстро прочёл и задумался. Мы стояли недалеко от остановки друг перед другом со светящимся телефоном в руках, как единственным связующим звеном. Казалось, что Петша что-то собирался сказать, но никак не мог решиться. Наконец, ему удалось совладать с собой.

– Вы же встретились случайно с Софи вчера, да? – я снова кивнула. – Она напомнила мне кое-что... Именно это и подействовало. Мы все иногда стараемся отрицать то, что причиняет боль, не обращаем внимания на какие-то слова, будто выбираем ненавистный лук из салата... – мне было непонятно, куда он клонит, но я старалась слушать очень внимательно.

но. – Вот и я вместо решения проблемы думал, что проще взять и убрать её источник. Пока не вспомнил, вернее... Пока не признал, что некоторое время назад был такой же проблемой и оказался едва не выброшен из жизни очень важного человека. В общем, кто-то должен был оказаться смелым и протянуть вам, Николетта, руку помощи. Пусть это буду я.

Петша и в самом деле протянул руку, я вцепилась в неё мёртвой хваткой, только чтобы устоять на ногах, которые внезапно превратились в дурацкие маршмеллоу для костра. Чудеса какие-то. Просто чудеса. В один миг из начальника-самодура и насмешника он сделался приветливым и даже милым мужчиной.

– Так что обойдёмся без увольнений. Но если вы настаиваете...

Вырвав свою ладонь из его крепкой руки, я снова принялась набирать текст:

“Нет-нет! Вовсе не настаиваю, как раз думала, что увольнение – это избегание проблемы. Нам нужно учиться взаимодействовать с другими людьми, а не бежать от общения. Я не безнадёжна и не нуждаюсь в постоянной помощи, могу работать наравне с остальными, хоть и с некоторыми нюансами. Не очень понимаю, что с вами произошло. Но... Спасибо”

Наши взгляды столкнулись после того, как Петша прочитал последние слова, и на мгновение мне показалось, что я увидела в его глазах непонятную боль и тоску. Если бы мог-

ла говорить, то обязательно задала бы все-все вопросы, но отвлекаться на телефон, теряя зрительный контакт – значило уничтожить всю эту непонятную, но крайне добрую атмосферу.

Он улыбнулся, сжал мои руки и кивнул в сторону остановки.

– Не ваш автобус?

Я обернулась – знакомый номер ярко горел в вечерней темноте, – и кивнула.

– Ну тогда до завтра!

В полнейшем смятении и с застывшим сердцем я забралась в автобус, успев заметить лёгкую тень рядом с начальником. На ней было длинное тёплое пальто с ярким шарфом, небрежно скрывающим длинные светлые волосы. Софи? В кармане надрывно завибрировал телефон, возвещая о нескольких сообщениях сразу. Мне подумалось, что я уже прекрасно знаю, кто писал и какие слова. Опасения подтвердились. Сорин прислал целое письмо, которое мессенджер разбил на три длинных куска. Читать я их не стала, боясь разрыдаться прямо в автобусе.

Оттягивать момент, когда я окажусь дома и смогу спокойно заглянуть в телефон, было трудно. Ноги отказывались идти так медленно, как я их просила, поэтому с чистой совестью пропустила следующий автобус. Толпа немного рассеялась, прохожих тоже заметно поубавилось, их редкие торопливые шаги отдавались глухими ударами моего сердца. И ес-

ли ситуация с работой теперь представлялась более или менее разрешённой, хоть и тревожно-странной, то поведение Сорина пугало всё больше. Я поняла это с ужасающей ясностью: было страшно оказаться виноватой в его разрыве с Кати, ещё более жуткой казалась перспектива потерять друга, хотя на самом деле уже была уверена, что это случилось.

Периодически давали о себе знать новые сообщения, которые приходилось игнорировать силой воли. Автобус никуда не спешил, и я хорошенечко рассмотрела предпраздничные улицы. С какими чувствами в этом году придёт ко мне Рождество? Вряд ли страхи и разочарования рассеются меньше чем за две недели. Но я всё равно собиралась печь козонак, наряжать ёлку и дарить подарки. Может быть, иногда нужно встречать первую звезду в одиночестве?

Выбравшись на холодную улицу, я неспешно двинулась в сторону дома. Шаги. Они преследовали меня второй день, почему-то именно этот звук наполнял и сегодняшний вечер. Почему не какая-нибудь хорошая музыка, почему не милые разговоры? Только невыносимые одинокие шаги, чуть поскрипывающие резиновой подошвой. На мгновение мне показалось, что к этому звуку добавились ещё. Но осмотрев двор, по которому шла, я убедилась в безумной игре собственного воображения. Если бы кто-то вздумал на меня напасть тёмным вечером в подворотне, то сделал бы это даже слишком легко: сил защищаться не найдётся, а закричать – не выйдет.

Тоскливо и безнадежно улыбнувшись нерадостным мыслям, я шагнула в круг света под старым фонарём недалеко от собственного, совершенно родного подъезда. И тут же остановилась, пригвождённая тяжёлой поступью за спиной.

– Нико, – раздался голос Сорина. Я обернулась. – Поговори со мной, пожалуйста.

– Что тебе надо? – сотворив суровое лицо, обратилась я к нему дрожащими руками. Они выдавали всё моё волнение и страх.

– Ты не ответила на сообщения.

– Я не читала их.

– Почему?

– Не хочу. Ты предал нас. Нашу дружбу. Ты предал Кати.

– Ты не думала, что мы идеально подходим друг другу? Хорошо знаем и понимаем, мы никогда с тобой даже из-за мелочи не ругались! Нам так чудесно вместе. Разве нельзя просто попробовать? – он сделал шаг навстречу, заставив меня чуть отступить, повторяя вчерашнюю встречу.

– Не думала! Ты – друг! Был. Самым лучшим другом был. Что вдруг изменилось? Три года ты дружил с Кати, хотел сделать ей предложение. Испугался? Или что? Решил попробовать использовать меня как самый простой вариант? А может это она тебя бросила, и ты побежал искать утешения?

– Николетта! Как ты можешь такое говорить?

– Так же, как и ты можешь такое делать!

– Это же просто поцелуй...

– Ты не думал, что я не хотела?

– Почему? Когда я рассказал тебе о предложении Кати, ты выглядела расстроенной, неужели не потому...

– Нет. Я просто боялась потерять тебя, как друга. Сорин! Друга!

– Не верю, – он снова сделал шаг навстречу, и в этот раз я не успела отстраниться. Крепкие руки держали мои плечи, а лицо Сорина оказалось слишком близко. – Нико, ну, признайся же себе... Пожалуйста.

Я помотала головой, крепко сжав губы. Ещё не хватало, чтобы он снова поцеловал меня. Нет, нет и нет! Сорин только друг, не более. Все шальные мысли, которые невольно попадали в мою голову – просто мысли, ничего общего с чувствами не имеющие. Да, я любила его, но как брата. Собравшись с силами, сумела отпихнуть его. И как же жаль, что не могла кричать! Так хотелось именно выкрикнуть ему всё, на что не хватало жестов. Сказать, как он сделал больно, как внезапно превратился в чужого человека, в котором я никак не могла узнать близкого и родного Сорина.

– Не заставляй меня! Ты на себя непохож! – успела показать я и отшатнулась в сторону.

– Нико... – лицо его исказилось разочарованием и печалью так сильно, что мне тоже стало больно. И за него, и за себя, и даже за несчастную Кати, которая вообще ничего наверняка не понимала и не знала.

На моё счастье, со стороны улицы слышались весёлые

голоса и из тени показалась небольшая компания, среди которой я без труда узнала Тобара. Он, видимо, тоже меня заметил и активно помахал. Парни в несколько шагов оказались рядом, и один из них, довольно приземистый и широколицый, басисто изрёк:

– Вас проводить? – и сурово глянул на Сорина.

– Конечно, проводить, – вторил ему другой парень в распахнутой куртке. – Поздними вечерами одной ходить опасно.

Тобар лишь улыбнулся, указывая кивком на подъезд. Я быстро бросила Сорину “пока” и поспешила к дому, теряясь в многоголосье шагов моих неожиданных спасителей. Дверь услужливо хлопнула, пропуская нас внутрь, тут-то мой сосед и взял право голоса.

– Ниолетта, всё хорошо? Этот человек тебя обидел?

Под удивлённые взгляды его товарищей я снова достала телефон и уже привычно набросала короткое объяснение:

“Да, всё в порядке. Спасибо, что помогли. Меня не обидели, это друг. Бывший уже, наверное”.

– О! – удивился Тобар. – Любовная драма? Да уж... Знаешь, такие истории могут иметь довольно опасное продолжение. Возвращайся домой пораньше!

Благодарственно улыбнувшись, я попрощалась лёгкими кивками и поспешила наверх. Тихая беседа с вопросительными интонациями долетала до моего слуха вместе с тяжёлыми шагами, которые затихли, как только я поднялась на

пролёт выше и добралась до двери квартиры. Похоже, Тобар и его друзья ждали, пока я зайду и запрусь. Непривычное и приятное отношение – в нашем беспокойном и слишком жестоком мире, оказывается, ещё осталось место для безвозмездной помощи и внимания, даже благородства в какой-то степени.

Сбросив пальто и шарф, я прошла в комнату, быстро переделась и забралась под одеяло. Сорин писал так много и так пылко, что невольно вышло задуматься о его вменяемости: он говорил о совместных воспоминаниях, о том тепле, которое всегда было в наших отношениях, о том, какая я милая и добрая, как ему хочется быть рядом и оберегать меня. И что пока он не решился на серьёзный шаг с Кати, не понимал, насколько дорога ему я. А мне хотелось спросить – разве это любовь? Разве это то чувство, которое сталкивает людей, предлагая жить вместе долго и счастливо? Разве не должно появиться что-то особенное в сердце, такое, от чего оно вдруг запоёт или зашепчет новое, непонятное, немного тревожное и жаркое?

“Знаешь, Сорин, – напечатала я, – всё, о чём ты написал, это ведь только о дружбе. Тебе очень хочется увидеть в ней нечто большее, возможно потому, что ты боишься строить новое с Кати. Я много думала и поняла, что ты мне друг, брат, если хочешь, но не больше. Да даже если бы было иначе, я не смогла бы послужить катализатором разрыва чьих-то отношений. Мне боязно встречать тебя на улице, как се-

годня, я не понимаю, чего от тебя ожидать – ведь ты совершенно не слышишь меня (как ужасно это звучит, правда?). Пожалуйста, давай мы оставим всё как есть. Ты подумаешь над отношениями с Катериной и дашь мне время забыть случившееся. Может быть, тогда я и смогу поговорить с тобой лицом к лицу”.

Ответа не было очень долго. Спать не хотелось. За дверью слышались шаги соседей, возвращавшихся откуда-то в столь поздний час. Я выбралась из-под одеяла и прошлёпала босыми ногами на кухню. В кружке стоял недопитый утром чай, наверняка затянувшийся непонятной плёнкой, которая всегда появлялась, стоило забыть вымыть чашку. За окном спал Бухарест, район его не столь отдалённый от центра, но навевающий ощущение упадка и застоя в жизни. Тот самый одинокий фонарь во дворе едва заметно моргал, заставляя кусты отбрасывать пугливые тени. Ни души. В комнате звякнул телефон, но я не могла отвести взгляд от окна. В тени, не так далеко внизу, мне почудилось движение, а спустя несколько секунд на свет вышел Тобар в сопровождении всё тех же товарищей. Они закурили, довольно оживлённо о чём-то беседуя. Мой сосед то и дело кивал в сторону дома, и я невольно подумала, что говорят обо мне. Спустя пару минут, когда сигареты погасли, компания разделилась, и гостеприимный хозяин, бросив беглый взгляд на окна, скрылся в подъезде.

Меня обдало жаром. Хорошо, что на кухне темно, и силуэт вряд ли был виден. Не хотелось бы, чтобы он подумал,

будто я подсматривала. Интересный он, Тобар. Не теряется в сложных ситуациях, вежливый. И, в общем-то, очень приятный. И руки у него – огромные. Неожиданное волнение никак не отпускало тиски, в которые зажало моё уставшее тело. Я медленно выдохнула, кое-как справившись с собой, и двинулась в спальню. Вторая бессонная ночь не могла пройти бесследно, так что намерения мои были самыми воинственными. Невольно я притормозила около входной двери и прислушалась: шагов слышно не было. Жаль. Мне не хватало дружеского плеча Сорина, несмотря на всю боль, что теперь поселилась где-то в сердце.

На подушке ждал телефон с довольно коротким сообщением: "Я тебя понял, Нико".

Кажется, на самом деле он так ничего и не понял. А хотели?

Шепот

Последняя рабочая неделя перед Рождеством выдалась на редкость спокойной и даже милой. Атмосфера в коллективе почти волшебным образом становилась теплее, и я это связывала с переменами в Петше: он был крайне внимательным и вежливым, не повышал ни на кого голос, спокойно решал любые конфликтные и спорные ситуации и даже пообещал дать дополнительный выходной перед праздником. В один из дней после работы я столкнулась на выходе с Софи.

Она приветливо улыбнулась и шепнула мне беглые слова благодарности за Петшу. Я удивлённо посмотрела на неё и получила пространное объяснение случившемуся. Оказывается, они давно состояли в довольно романтических отношениях, и судя по приглашению в Бухарест – Петша собирался предложить Софи перейти на новый уровень. Но появилась я среди торгового центра: узнать подробности моей жизни и сложить картинку целиком не составило труда для такой девушки, как она. А дальше ей пришлось напомнить своему возлюбленному, что в жизни случается всякое, и он сам когда-то был объектом насмешек, издевательств и вообще – жил изгоем в собственном же коллективе. Софи прямо заявила, что его поведение считает слабостью, недостойной настоящего мужчины и что отыгрываться на других за собственные обиды – отвратительно. Полночи у них ушло на се-

рзённый разговор, в результате которого Петша неожиданно сдался.

Рассмеявшись и подмигнув, Софи сказала, что считает это Рождественским чудом. А следом показала скромное колечко на пальце. Вот так сюрприз! Значит, я должна была быть благодарна этой красивой блондинке за избавление от тирана на работе. Не верилось.

Я смогла написать только пару слов в ответ, назвав её удивительной и пожелав самого настоящего, крепкого счастья. Почему-то мне так хотелось, чтобы всё у них с Петшей сложилось как можно лучше. Можно представить, насколько тяжело ему было переступить через свои обиды, через боль, даже через гордость, чтобы резко измениться, признать свои ошибки и начать исправляться. Наверное, он действительно любил Софи, а может просто пришло время что-то менять. Интересно, не прикидывался ли мой начальник паинькой только ради того, чтобы получить желаемое? Вряд ли. Они оба выглядели вполне счастливыми и довольными друг другом, когда уходили в противоположную от меня сторону, помахав на прощание.

Сорин так ничего и не писал, и даже не появлялся около дома – чему я была одновременно и рада, и нет. Как было бы хорошо, если бы удалось отмотать время назад и пустить его по другому руслу. Тогда не случилось бы поцелуя и сложного разговора, не нужно было бы коротать вечера в одиночку, слоняясь по квартире в поисках дела, или сражаться полно-

чи с бессонницей. В углу на кресле одиноко лежал подаренный Сорином плед, иногда я порывалась выбросить его или спрятать в шкаф, но память о тёплой дружбе не позволяла так жестоко расправиться с частью жизни, причём с одной из самых лучших её частей.

Я успела упаковать все подарки, нарядить небольшую ёлку, купить кое-что из продуктов, пообещать всем и каждому приехать после Рождества, и отчаянно ждала того дня, когда смогу проснуться утром чуть позже, чем обычно, сварить какао, медленно съесть завтрак, а потом приняться за приготовление козонака. Предвкушала, какие чудесные ароматы будут витать на кухне, какую радостную музыку я включу и как, возможно, всё изменится, как только первая звезда зажётся на небе.

Почти так и вышло. Петша, как и обещал, отпустил нас на день раньше, и я этот дополнительный выходной провела, гуляя по Бухаресту среди туристов и толп горожан. Хотелось слиться с ними, и никогда не покидать улиц, подсвеченных гирляндами и заставленных ярмарочными павильонами. Пусть бы канун праздника тянулся вечно, даря бесконечное ожидание чего-то лучшего, звенящего в груди и пробуждающего крылья надежды. Если бы...

В сочельник я проснулась рано, но позволила себе полежать в постели столько, сколько хотелось. Как и мечтала, сварила какао на молоке, достала купленные накануне сладкие булочки, и с превеликим удовольствием их съела. Настрое-

ние, вопреки ожиданиям, было приподнятым и даже немного вредным. Шёл снег, нашептывая что-то совершенно зимнее и таинственное.

Ближе к обеду я повязала фартук, кое-как справившись с подготовкой мяса, и принялась за выпечку. Выложила на стол всё, что было нужно: муку, специи, яйца, чтобы они успели согреться, изюм в начинку и даже немного мака, как любила делать мама. Молоко. Оно стояло в списке первым, но вспомнила я о нём только тогда, когда уже приготовила посуду для теста. Холодильник тоскливо посмотрел на меня полупустыми полками и одинокой бутылкой вина на дверце. Молока не было. Я сама вылила последний стакан в какао.

Мечты иногда приводят вовсе не туда, куда хочется.

Фартук оказался брошенным на спинку стула, я, не переодеваясь, как была – в домашних вельветовых штанах и безликой футболке, – накинула куртку и шапку, захватила телефон с деньгами и бегом бросилась вниз по лестнице, чуть не налетев в дверях подъезда на выходящего Тобара. Он укутался в шарф настолько, что я едва его узнала.

– О! День добрый! – сквозь чёрные вязанные слои буркнул он. Улыбнувшись, я протиснулась мимо. – Погулять? – догнал он меня.

Я только покачала головой и со вздохом притормозила, доставая телефон.

“В магазин”.

– И я туда же, можем пойти вместе, – предложил Тобар.

Пришлось согласиться. Хоть до местного магазинчика можно было добраться минут за пять, мой забавный сосед успел за это время рассказать столько всего, что я даже не смогла запомнить и половину. Интересно, это от неловкости или он всегда такой болтун? Я хотела бы ему что-то ответить, но общаться через телефон под снегом было не очень удобно. Как хорошо выходило болтать с Сорином – он понимал язык жестов, да и не закидывал меня тоннами слов.

– Эм, – вдруг замолчал Тобар, когда мы свернули на соседнюю улицу и остановились перед магазином. – Наверное, я слишком много говорю, пользуясь тем, что ты не можешь ответить.

Мне вдруг стало смешно – он словно прочитал мысли, но этот факт не вызвал никакой обиды или непонимания. Я широко улыбнулась и легко толкнула его в плечо, чтобы поскорее оказаться в магазине, где тепло и уютно. Внутри былолюдно и довольно шумно: покупатели толпились у кассы и бродили по залу.

– Тебе что надо? – уточнил Тобар.

Я показала на молочный отдел, он загадочно улыбнулся и поманил меня вперёд. Но у полки с молоком нас ждало катастрофическое разочарование: молока осталась последняя бутылка. Мы переглянулись, и Тобар протянул её мне. Я быстро набрала текст:

“Тебе тоже нужно было молоко?”

– Ну... Не обязательно, просто заодно хотел взять. А так-

то мне нужны лимоны! – смущённо улыбнувшись, он махнул своей широкой ладонью, и скрылся за стеллажами.

Странный такой. Лимоны... Почему не апельсины? Мама всегда в козонак добавляла немного апельсиновой цедры, так вкуснее и ароматнее. И вместо лимонного сока – тоже апельсиновый. Хотя у каждой семьи свои секреты приготовления разных блюд. Интересно, что будет готовить Тобар? Надо было спросить, вышло не очень вежливо. Я прошлась по магазину в поисках ещё чего-нибудь, что вдруг мне могло бы понадобиться, но так ничего и не нашла. Если только взять ещё одну бутылочку вина, на всякий случай? И, как назло, моего любимого не нашлось на полке – разобрали перед праздником. Что за день такой невезучий. Я вздохнула и отправилась на кассу.

Передо мной в очереди снова возник Тобар, и в его корзине, кроме лимонов, пакетиков со специями и баночки консервов я увидела ту самую заветную бутылку красного полусладкого вина. Вот кто, значит, увёл у меня из-под носа самый вкусный праздничный напиток! Я шумно поставила молоко на ленту, и, кажется, от обиды надула щёки. А мой сосед, ничего не подозревая, ещё и подождал меня у выхода.

Мы шли под усиливающимся снегопадом, скрипя ботинками: он – довольный покупками и всё так же закутанный в шарф, а я – в обнимку с молоком, недовольная и огорчённая.

– Что-то случилось? – спросил Тобар.

Со вздохом я опять обратилась к телефону – как же мне

надоели эти бесконечные переписки за последнее время – и показала ему одну лишь фразу: “Ты купил последнюю бутылку моего любимого вина”.

– О... Ну я ж не знал, – начал он оправдываться. – Оно ведь хорошее, и по цене в самый раз, и по вкусу.

Мне только и оставалось неопределённо пожать плечами, не отбирать же у Тобара вино или просить уступить его – некрасиво, учитывая, что дома в холодильнике уже был алкоголь. Мы коротко распрощались на лестничной клетке, и я поднялась к себе.

Готовиться к Рождеству в одиночестве оказалось не так уж и страшно, даже, наоборот – приятно. Я включила музыку, собрала волосы в высокую косу и завернула её пучком, не стала надевать ничего праздничного, немного прибралась, пока подходило тесто, с большим удовольствием и аккуратностью завернула козонак и отправила в духовку, чуть пританцовывая. Зажгла огни на ёлке и внезапно вспомнила, что собиралась приготовить салат и красиво нарезать овощи и сыр к вину. Если бы я могла петь! Если бы могла вернуть все те звуки, которые всегда были рядом, в свою жизнь. Может, стоило загадать желание в эту волшебную ночь? И, может, Сорин был прав? Мне стоило попробовать пройти ещё один курс терапии...

Из коридора слышался стук – кто-то упорно игнорировал дверной звонок, будто бы думал, что я пугаюсь громких звуков. Быстро обтерев руки о фартук, я приоткрыла дверь,

опасаясь увидеть Сорина. Но на лестнице стоял немного смущённый Тобар, в руках у него красовалась бутылка и небольшой поднос, прикрытый сверху вышитым полотенцем – у меня даже бровь поднялась от удивления.

– Я тут... – начал он и кашлянул. – Вино вот принёс. И печенки. Мама заезжала утром, оставила. Она сама делает. Раз ты любишь это вино, пусть оно будет твоим, у меня дома запасы есть. Рождество всё ж. С праздником!

Он вдруг добрался до меня лучистым, ярким взглядом и улыбнулся такой по-настоящему доброй улыбкой, что сердце вздрогнуло. Я всё всматривалась в его лицо сквозь едва приоткрытую дверь и не знала, что делать: нужно было бы взять этот условный подарок, поблагодарить. Но телефон валялся где-то далеко в комнате, а жестов Тобар бы не понял. И я так растерялась, что неловко приняла в руки бутылку и поднос, которые почти всунул мне он. Но сюрпризы не кончились.

Этот забавный парень вдруг резко выдохнул, приподнял руки, чуть прикоснулся к себе, сложил их, будто сидел за партой и приподнял одну, сформировав довольно странную фигуру из пальцев, а после воззрился на меня с неподдельной надеждой во взгляде. От смеха я чуть закусила губу, чтобы не смущать его ещё больше. Кажется, Тобар хотел сказать “С Рождеством”. Я показала ему палец с лёгким кивком, мол, подожди минутку, и убежала на кухню. Оставила там подарок, отыскала телефон и вернулась к двери.

“Спасибо большое. Это было очень мило, не совсем вер-

но, но я тебя поняла. Чудесный подарок, даже лучше, чем вино”.

Тобар прочёл сообщение, и на его щеках я заметила лёгкий румянец – опять неожиданно. Когда он приходил ко мне чинить кран, выглядел гораздо более решительным и серьёзным. Но и таким он мне вдруг понравился, было в его поведении что-то очень милое и простое, зажигающее внутри мягкий, терпеливый огонёк. Почти как свет Рождественской звезды. Мы бы, наверное, ещё долго стояли и смотрели друг на друга, если бы внизу не хлопнула тяжёлая подъездная дверь. Внезапно я испугалась. Время довольно позднее уже, многие собираются за праздничным столом, Сорин вполне мог решить заглянуть ко мне, а я этого так не хотела! Тобар без труда сообразил, что что-то не так.

– Николетта, там наверняка дети, пришли петь, – шепнул он мне.

Я помотала головой – детей было бы хорошо слышно. А этот кто-то очень осторожно поднимался по лестнице. В некоторой панике я схватила Тобара за руку и втащила в квартиру, медленно закрыв дверь и приложив к ней ухо, совершенно забыв, что могла в этот момент выглядеть, как последняя дура. Шаги слышались плохо, но я была уверена, что человек остановился напротив моей двери. И в голову не пришло заглянуть в глазок!

– Я понял! – шепнул Тобар приблизившись. – Ты думаешь, что там этот парень, который приставал к тебе на ули-

це? Да?

Мне пришлось согласно наклонить голову.

– Ну это не беда! Разберёмся! – он ловко отодвинул меня от двери, забрал фартук и надел на себя, мимоходом лукаво подмигнув.

Минуту спустя раздался громкий звонок, от которого я только что не подпрыгнула. Сердце зашлось в диком беге, даже перед глазами всё поплыло. Неужели я не ошибалась – Сорин действительно пришёл? Тобар указал мне в сторону кухни, и я послушно спряталась за поворотом, отчаянно прислушиваясь. Скрипнула дверь, и повисла тишина, если не считать музыки, которая сопровождала это безумное действие с самого начала.

– Добрый вечер! – с подозрением в голосе поздоровался Сорин, и мне стало нестерпимо стыдно и горько.

– Добрый! – весело и бодро ответил Тобар, совершенно по-хозяйски. – А вы к кому?

– Я?.. К Никоlette... Мы друзья, заглянул поздравить.

– О! Подождите, я её сейчас позову. Она на кухне, немного занята.

Тобар тут же появился передо мной с совершенно серьёзным лицом и взял за плечи.

– Этот твой “друг” стоит перед дверью, даже с подарком, кажется. Но взгляд у него нехороший. Я в ваше личное лезть не буду, но одну тебя тоже перед ним не оставлю, уж извини.

Мне пришлось отвести взгляд, чтобы не выдавать себя,

но, похоже, что Тобар и так всё прекрасно понял. Ситуация-то вполне себе тривиальная. Он чуть подтолкнул меня вперёд, и мы вместе появились перед Сориним. В его взгляде тут же мелькнули молнии и спрятались. Ах вот значит как...

– Привет, – улыбнулась я, привычно складывая слова руками.

– Привет... – Сорин тоже отвечал пальцами, хитрил. – Кто это тут с тобой?

– Ты зачем пришёл? Я же просила дать мне время.

– Для чего? Чтобы найти себе кого-то?

– Тебя только это волнует?

– Да! Почему не я?

– Мне кажется, мы уже обсудили это. Ты говорил с Кати?

– Нет. И не собираюсь. Мы взяли тайм-аут.

– Ах вот как! И ты решил не терять время даром? Поиграть со мной?

– Так! Стоп! – вмешался Тобар довольно резко, оборвав меня на полуслове. – Ты, как тебя? Сорин? Говори-ка вслух, нечего мне здесь ручками махать! Николетта не глухая, так что давай, не будь трусом.

У меня только что челюсть не отвисла – серьёзный выпад в сторону Сорина немного остудил пыл. Я смотрела на своего сурового соседа в смешном фартуке, переводила взгляд на застывшего друга и ждала, что же произойдёт дальше.

– А ты кто вообще такой, чтобы так со мной разговаривать?! – зло и очень жёстко проговорил Сорин.

– Ну, судя по тому, что я внутри квартиры, а ты всё ещё стоишь за её пределами, – человек важный, – приосанился Тобар, и я прихватила его за локоть. Отчасти для того, чтобы чувствовать себя уверенней на трясущихся ногах, а с другой стороны, чтобы он не наговорил лишнего. – Я тебе обижать Николетту не дам. Имей в виду.

– Нико! – обратился ко мне Сорин. – Кто это? И что он себе позволяет.

– Это Тобар, – объяснила я. – Мы готовимся к Рождеству.

– Не понял.

– Зачем ты пришёл? Я ведь просила тебя дать мне время.

– Времени было достаточно! Мне без тебя очень одиноко... Мы столько лет провели рядом, а теперь... Я не знаю, как заполнить эту пустоту, которая вдруг появилась.

– Ты сам виноват, – вздохнула я, опустив руки. Говорить ничего не хотелось. Но я собралась с мыслями и продолжила. – Ты просто запутался, может быть, даже испугался перемен в жизни. Так бывает. И я думаю, что на самом деле ты не испытываешь ко мне никаких чувств, кроме дружеских. Собственно, как и я к тебе. Твой поступок обидел меня именно предательством нашей дружбы. Я не думала, что ты такой. И мне очень больно. За себя, за Кати, даже за тебя... Пожалуйста, уходи. Поговори с Катериной, разберись в себе.

– Вот значит как... И быстро же ты нашла мне замену. С болью-то в сердце только этим и заниматься.

– Я предупреждал, – снова вмешался Тобар. – Она тебе

всё объяснила? Ну так и чего ты ещё хочешь?

Тобар вряд ли понял, что я говорила, но стойко держал оборону и оставался на моей стороне. Удивительный человек.

– Да ничего я уже не хочу, – опустил голову Сорин. – Я думал, что у меня есть в жизни кто-то, кто всегда поддержит. Но, увы.

Я протянула ему руку, и когда наши взгляды снова встретились, заговорила медленно:

– У тебя была я. Всегда. Но ты знаешь, что я никогда не поддержала бы твоих плохих поступков. Измена – отвратительна. Даже если она ещё не случилась. Но я могу тебя понять и простить. А пока, извини, не готова пустить тебя в свою жизнь обратно и настолько глубоко.

– Нико... Ты ошибаешься. Ты всегда ошибалась на мой счёт. И на свой тоже. Но... Ладно, – он смерил взглядом Тобара, развернулся и, бросив, “Счастливого сочельника”, бегом бросился вниз по лестнице.

Тобар осторожно прикрыл дверь и вонзился в меня сочувствующим взглядом. Слова явно были лишними, в горле странным образом саднило, будто я залпом выпила рюмку водки, глаза горели. И против желания, вопреки дикому чувству стыда, слёзы хлынули невероятным потоком по щекам, вызывая не то приступ удушья, не то простую истерику.

– Эй, – тут же оказался рядом сосед, ухватив меня за плечи. – Не надо так! Пришёл какой-то дурак, наговорил тебе

ерунды! Это он должен рыдать, потому что ты его выгнала. Так ведь?

Я только кивнула, не в силах справиться с эмоциями. Даже не могла ничего объяснить Тобару, и от этого ужасно злилась на себя и свою жизнь. Вот же угораздило! Почему это несчастье вообще тогда свалилось на меня? Во всех смыслах? И почему ничего не помогало? Когда можешь говорить голосом, вкладывать интонации и чувства в речь... Тебя понимают по-другому! Как я могла сейчас выразить, что чувствовала? Мимикой, жестами, взглядами, реже – прикосновениями. Но никто постоянно не смотрит в глаза, не обращает внимания на моё лицо, когда я говорю, потому что вынужден следить за руками!

– Ну вот и всё. Пусть он переживает, страдает и вообще – будет уже, в конце концов, мужчиной. А ты – маленькая женщина. Девушка! И не должна в Рождество стоять в коридоре по уши в слезах. Если уж рыдать, то или в подушках, или на кухне с бутылочкой вина!

С этими словами Тобар схватил меня и потащил на кухню, где уже повсюду пахло почти готовым козонаком, где я бросила мясо, овощи и прочие вкусности. Печеньки от мамы Тобара. Он усадил меня на стул, растерянно осмотрелся, увидел большую кружку и поставил её передо мной.

– Штопор есть? – деловито заглянул сосед в верхний ящик гарнитура. – Есть! Отлично.

Рубиновая ароматная струя наполняла кружку, а я про-

должала упиваться своими страданиями, пытаюсь кухонным полотенцем стереть слёзы. Тобар успел за это время не только налить вино, но и закончить резать овощи, закинул их на блюдо и подвинул ко мне.

– Ну что, Nicoletta? Давай-ка оставим всё печальное в прошлом? Может, уже и звезда зажглась, а ты грустишь...

Он улыбнулся, выжидающе смотря на меня. Пришлось выпить. Вино приятно согрело горло, и я глубоко вздохнула, стараясь успокоиться. Странно, но от этого его тихого взгляда мне вдруг перехотелось плакать. Действительно, был ли какой-то смысл отчаянно убиваться только оттого, что мы с Сориним не поняли друг друга? Отказывать – больно, но если я думала и о его чувствах тоже, то он о моих, по всей видимости – ни капли.

Стерев последние капли с лица, я вдруг вспомнила, что уже пора бы достать пирог! Схватила пару прихваток и быстро открыла духовку, заполнив кухню головокружительным ароматом свежей выпечки. Румяный, горячий козонак. Уютный символ домашнего Рождества – самого лучшего и любимого мной праздника. Осторожно поставив противень на плиту, неожиданно улыбаясь самой себе, я повернулась к Тобару и поняла, что невероятно благодарна ему. За помощь, за присутствие и вообще – за равнодушие. Наверное, выглядела я в этот момент более чем странно и даже по-дурацки.

– Пахнет очень вкусно, – выдавил он из себя, всеми силами пытаюсь скрыть такую же счастливую улыбку, как и у ме-

ня. – Ну... Раз у тебя теперь всё хорошо, я пойду, наверное.

От этих его слов, как и от всех сегодняшних взглядов, у меня что-то странно кольнуло в груди. Ну уж нет! С пустыми руками я его не хотела отпускать. Сделав знак подождать здесь, я бросилась в комнату, вспоминая, что купила Рождественского фарфорового ангела – нежного и лёгкого, в надежде подарить его кому-нибудь, но так и не решила кому. Ангелочек смотрел на меня глазами, полными надежды на счастье и любовь, чуть сложив крылья и осторожно присев на скамейку рядом с ёлкой, под фонарём. Такая искусная работа, в которую вложено время, силы и человеческая душа.

Тобар оказался сегодня, да и не только сегодня, моим таким же ангелом, подброшенным Судьбой чтобы просто очутиться вовремя там, где он был так нужен. И его не смутила ни моя особенность, ни сложности общения, да вообще – ничего! Даже Сорин.

– Эй, – раздалось так знакомо за спиной. – Ты куда пропала?

Я резко обернулась, пряча подарок за спиной. Небольшая неловкая пауза сковала мой разум. Стоило быть смелее и попросить Тобара остаться? Мы ведь вполне могли отметить Рождество вместе – бредовая мысль, очень напомнившая юность, когда я ещё могла говорить. Тогда любой понравившийся мальчишка мог стать моим другом, особенно если он учился в другой школе. Тобар очень милый, а ещё – симпатичный. И, кажется, одинокий.

– Всё нормально? – снова подал он голос.

Мой рот приоткрылся в попытке сказать да, но вышла снова тишина, и я опустила голову, протягивая соседу ангелочка.

– Это мне? Слишком красивая вещица для того, кто полвечера ходит в женском фартуке, – рассмеялся Тобар, обхватывая мои ладони своими. – Спасибо.

Подняв на него взгляд, я удивилась перемене: теперь улыбались глаза, а не лицо моего спасителя. А руки его были такими тёплыми и огромными, что могли бы спрятать целый мир. Нужно было что-то сказать, но я опять оказалась в неловком положении – без телефона и с занятыми руками.

– Так интересно наблюдать за твоим лицом и глазами, – шепнул Тобар. – Мне кажется, что они говорят больше, чем слова. Ещё когда первый раз тебя увидел, подумал, что ты совершенно забавная – все мысли на лице написаны, и потом только понял – почему. Вот ты сейчас наверняка хотела бы сказать, что я говорю глупости, и что подарок от чистого сердца за спасение. Да? – я опять слегка наклонила голову в знак согласия. – Кажется, я умею читать мысли. А ещё... – его щёки снова чуть покраснели, и я не смогла скрыть улыбку. – Можно я останусь?

Не знаю, как это вышло, но вместо ответа, я вдруг в одно движение оказалась так близко к нему, что сама испугалась, но всё равно умудрилась обнять. Совершенно незнакомого человека, который удивительным образом появлялся рядом

тогда, когда я уже и не думала о том, что кто-то мне нужен и придёт на помощь. Тёплые, почти горячие руки Тобара оказались на моей спине, а я слышала, как бьётся его сердце. Гулко и очень смело. Совсем не так, как моё. Но они переговаривались, минуя нас и все возможные языки и голоса. Они шептали друг другу что-то особенное, что можно услышать только в Рождество.

– Интересно, – тихо пробормотал Тобар, – а звезда уже зажглась? Как думаешь, Николетта?

И я ответила ему, тихо-тихо, совершенно незнакомым, но удивительно родным голосом: “да”.